

Эмма Герштейн
К ИСТОРИИ СМЕРТЕЛЬНОЙ ДУЭЛИ
ПУШКИНА

(Критические заметки)

В России до самого конца XIX века кровавые поединки чести были запрещены законом. Поэтому после смерти Пушкина, а потом и Лермонтова, долгое время не упоминалось, что оба поэта были убиты на дуэли. Первое указание в печати на причину смерти Пушкина появилось в 1847 в «Словаре достопамятных людей», составленном Д.Н.Бантыш-Каменским. Его статья о Пушкине содержит цитаты из письма П.А.Вяземского к А.Я.Булгакову (5 или 6 февраля), известного тогда только в списках: «"Его положили в гроб и зарезали городские сплетни, людская злоба и клевета. Пылкая, страстная, африканская душа Пушкина не могла вытерпеть раздражения, произведенного молвою". 27 января он сразился на пистолетах с Геккерном и был смертельно ранен»¹.

Еле слышный здесь упрек погибшему зазвучал в полный голос в труде первого биографа Пушкина и первого же редактора научного издания его сочинений П.В.Анненкова. Выдающийся публицист, критик и мемуарист прямо обвиняет героя своей работы не только в чрезмерной раздражительности, но и в мелкости интересов, доходящей до прямой безнравственности. Стоит привести здесь выдержки из назидательных строк Анненкова, посвященных дуэли: «Причины и обстоятельства, породившие катастрофу, еще всем памятны. Легкомысленное понимание жизни и характеров, неосновательный, злоречивый говор, какой часто бывает в городах и исчезает по собственному ничтожеству своему и презрению, которое рано или поздно наказывает его, — произвели здесь гибельные последствия. Они встретили пылкий характер, который придавал им значение гораздо более того, чем они заслуживали, и сделал их орудием собственной преждевременной и мучительной смерти». Биограф бросает поэту упрек в суетности его интересов: «В праздной и неблагоприятной насмешке он видел мне-

¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч.2. СПб., 1847. С.92 (пар.2).

ние света, а мнение света было в его глазах делом первой важности». Анненков доходит до обвинения Пушкина в нарушении религиозной заповеди «не убий». Вот как он об этом пишет: «Известно радостное восклицание Пушкина при виде упавшего соперника, легко пораженного им в руку. Мы упоминаем здесь об этом обстоятельстве, чтобы показать степень страсти, овладевшей всем существом его. Радость была столько же напрасна, сколько и противна нравственному чувству». Критик как будто забыл, что Пушкин был уже тяжело ранен Дантесом, когда послал ему свой выстрел, и его возглас «браво» был криком бойца в разгаре кровавой битвы, а не выражением мелкого чувства мести или злорадства.

Итак, приговор произнесен: Пушкин стал «жертвой столько же чужого легкомыслия, сколько и своего огненного неукротимого характера»².

С тех пор прошло полтора столетия. В пушкиниане накопилось множество новых материалов и новых трактовок этого незабываемого события. Можно с уверенностью сказать, что первая часть заключительной формулы П.В.Анненкова прочно отвергнута. «Неосновательный злоречивый говор», заслуживающий, по Анненкову, только презрения порядочного человека, оказался после многолетних изучений важной частью истории петербургского общества тридцатых годов девятнадцатого века, с его политическими, социологическими и философскими проблемами.

Но вторая часть анненковской формулы продолжает жить до сих пор. То явно, то в скрытой форме по страницам новейшей пушкинианы гуляет та же мысль о неумном или неловком поведении Пушкина, навлекшего на себя беду. В подобных трудах так неохотно предоставляют место описанию семейной драмы поэта, что иногда начисто забывают о ней. Такой курьез произошел с известным исследователем исторических трудов Пушкина И.Л.Фейнбергом, выступившим в 1968 в годовщину смерти поэта с речью «Отчего погиб Пушкин?» (в посмертном издании трудов Фейнберга она помещена среди его новаторских исследований творчества великого поэта)³. Автор так увлекся изображением трагического положения зрелого писателя, держащего «в столе» такие рукописи, как «Медный всадник», «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Автобиографические записки», что совсем забыл о пуле Дантеса, убившей поэта, и не упомянул о дуэли. А ведь это не так просто — стоять у барьера, оставив дома лю-

² Анненков П.В. Материалы для биографии Пушкина // Пушкин А.С. Соч. Т.1. СПб., 1855. С.426-427.

³ См.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С.599-606.

бимую жену, четырех детей, зрелые творения, не увидевшие света, а некоторые — и недописанные. Для такой высокой ставки должны быть важные причины. Но исследователи брезгают такими банальными темами, как адюльтер, шантаж, месть за неудачные любовные домогательства у чужой жены, наконец, междоусобная светская борьба. Так, Я.А.Гордин в своей интересной книге «Право на поединок» прямо заявляет, что подспудные мотивы враждебной поэту общественной силы «были эпохально серьезны по сравнению с пошло-мелочными интересами Геккернов»⁴. Эта работа представляет анненковское направление в оценке поведения Пушкина, как и книга Абрама Терца (А.Д.Синявского) «Прогулки с Пушкиным». Последняя замечательна тем, что автор писал ее в совершенно исключительных обстоятельствах, в заключении, и частями отсылал на волю, в форме писем к жене. Это, конечно, великое счастье иметь возможность делиться своими мыслями с собеседником, который тебя понимает. А мысли возникают пронзительные и особенные, потому что автор каждый день и час находится в опасности. Таковы уж условия пребывания в исправительно-трудовых лагерях Гулага. Отсюда и содержащиеся в книге глубокие и острые мысли об искусстве и литературе. Но они не оправдывают кощунственного рассуждения о смерти Пушкина. По Синявскому, великий художник, даже умирая, находится «на сцене»⁵. Автор с прямолинейной негибкостью упрекает Пушкина, что он сам пустил сплетню о верности или неверности ему жены, чего он не должен был делать, зная, что на него «века и века» будут смотреть люди. Такие мысли упираются в проблему биографии великих художников. Рамки этих заметок не дают возможности развивать здесь эту тему. Но отметить, как анненковское направление может довести читателя двадцатого века до пошлости, граничащей с прямой похабщиной, не побоюсь этого слова, считаю необходимым.

Не так давно, в 1990, переиздана другая книга о дуэли Пушкина, основанная на модных в тридцатых годах научных теориях. Я имею в виду роман Леонида Гроссмана «Записки д'Аршиака», в котором рассказ ведется от имени подлинного лица — секунданта Дантеса на дуэли его с Пушкиным⁶. Книга, вышедшая впервые в 1931, несколько раз переиздавалась, переведена на европейские языки, и вот теперь издательство «Художественная литература» сочло необходимым выпустить ее в серии «Забывтая книга».

⁴ Гордин Я. Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях. Л., 1989. С.475.

⁵ Терц А. (Синявский А.Д.) Собр. соч. Т.1. М., 1992. С.429.

⁶ Гроссман Л. Записки д'Аршиака; Пушкин в театральных креслах. М., 1990.

Следует напомнить читателю, что в подлинных документах о дуэли Пушкина имеется запись д'Аршиака о поведении Пушкина на месте поединка: «parfaite» (безукоризненно). Л.Гроссман считал необходимым дезавуировать этот отзыв, считая его фальшивым, брошенным в угоду друзьям усопшего. Секундант Дантеса сказал это через несколько дней после смерти Пушкина, перед своим отъездом навсегда во Францию. Итак, Л.Гроссман не верит ему и вкладывает в уста персонажей своего произведения следующий диалог: «Я выразил графу мое удивление по поводу необыкновенной раздраженности поэта, его неуступчивости и явно проявленной им мстительности и жестокости. Я знал, что об условиях предстоящего поединка он дал предписание Соллогубу: чем кровавее, тем лучше.

— Это у него в роду, — отвечал мне старик. — Предки Пушкина как по отцовской, так и по материнской линии — были люди пылкие, порочные, неукротимые, с бурными и жестокими страстями. История их браков — сплошная летопись преступлений»⁷.

Опускаю красочное описание этих преступлений, сделанное опытной рукой художника и мастера слова (на мой вкус — излишне цветистое).

С еще большей выразительностью описано Л.Гроссманом поведение Пушкина на месте поединка:

Он был возбужден, экспансивен, нетерпелив, не сдержан. За несколько минут приготовлений к поединку и самого обмена выстрелами он говорил и делал много лишнего. Спокойная сдержанность смертельной вражды, к сожалению, ему не была свойственна. Африканская ли кровь предков лишала его строгой невозмутимости, свойственной в такие минуты европейцу, широта ли и распоясанность русских нравов, непривычных к самообузданию, но только и здесь, перед барьером, он, видимо, мучительно метался и не сумел скрыть своего возмущения и гнева под ледяной корой безукоризненного самообладания. Он словно не стеснялся обнажать перед нами свою вражду и мстительность. В эту минуту его великий поэтический гений был совершенно заслонен темными порывами неукротимой страсти⁸.

Эта большая выдержка понадобилась нам для того, чтобы сравнить ее со словами д'Аршиака, воспроизведенными в книге, вышедшей в свет за тридцать лет до повести Л.Гроссмана. По словам автора этой старой книги (степень достоверности ее мы обсудим ниже), д'Аршиак рассказывал так:

⁷ Гроссман Л. Записки... Указ. изд. С.240.

⁸ Там же. С.285.

Пушкин во время дуэли поражал своим мужеством и спокойствием. Он во всем этом деле выказал чрезвычайный такт и рыцарскую простоту, исполненную достоинства. Он был очень серьезен, сосредоточен, как человек, рискующий жизнью; в нем не было притворной беззаботности, рассчитанной, чтобы придать себе вид похрабрее /.../ Это был великий характер. Я не знаю русского языка, не читал ни одной строки из его сочинений, я только находил его остроумным, даже в поверхностном разговоре, и прекрасно воспитанным⁹.

Естественность и простота отзыва д'Аршиака вызывает доверие. Оно поддерживается мемуарами, правда, относящимися к юности, а не зрелости Пушкина. Я имею в виду воспоминания И.П.Липранди о поведении Пушкина на месте поединка:

Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до испуга; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случилось не только что видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком положении, а подобной природы, как у Пушкина в таких случаях, я встречал очень немного¹⁰.

Резкое противоречие между художественной фантазией романиста и портретом поэта, нарисованным рукой бывалого человека, бросается в глаза. Скажут, обстоятельства были другие и возраст Пушкина сказался на его поведении во время последней дуэли. Но ведь главным источником его якобы неприемлемого поведения был его африканский темперамент. А разве в юности мы себя легче обуздываем, чем в зрелые года? Африканская кровь Пушкина давала о себе знать и раньше, но только не на месте дуэли.

В таком же непримиримом противоречии с осуждением «пылкого характера» Пушкина находится отзыв о его смерти Александры Осиповны Смирновой-Россет в ее письме к П.А.Вяземскому из Парижа. Она уже два года жила за границей с мужем, получившим назначение на дипломатическую службу в Берлине. В Париже и Баден-Бадене вокруг нее собирались все жившие там русские. Они получили много писем из Петербурга с описанием дуэльной истории Пушкина (среди них были и письма к Андрею

⁹ Смирнова А.О. Записки. Ч.2. СПб., 1897. С.13-14.

¹⁰ Цит. по: А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. М., 1974. С.316.

Карамзину от его родных, которые так ошеломили нас всех в 1956, когда под заголовком «Тагильская находка» были впервые опубликованы И. Андрониковым и Н. Баташевым¹¹). Видимо, их пафос и негативное отношение к поведению Пушкина в эти последние недели его жизни не оказали на Смирнову никакого влияния. Очнувшись от первого шока, она пишет Вяземскому. Отрывки из этого письма печатались не раз, но только после полного разбора и описания огромного Остафьевского архива мы можем привести его по подлиннику (в новом переводе с французского):

Вы совершенно обо мне забыли, а между тем должны мне сообщить некоторые подробности этой злосчастной истории. Впрочем, все уже понятно друзьям Пушкина и России. В сегодняшнем «Ревю де Пари» опубликована статья «Легенды о поэтах», где названы великие гении; все с несчастной судьбой, горимые обществом или правительствами, непризнанные или оклеветанные, томящиеся в тюрьмах или прозябающие в нищете. Но Пушкин не назван. Между тем нет ничего более скорбно-поэтического, чем его жизнь и его конец. Я, так же как и Вы, была здесь оскорблена, и глубоко оскорблена несправедливостью общества. Поэтому я не говорила о Пушкине, я хранила молчание с теми, кто меня не понимает, и воспоминанье о нем осталось в моем сердце незадетым и чистым.

Сколько я могла бы рассказать Вам о Париже, о событиях, и о людях, но только устно, потому что я опасаясь всего написанного.

Приветствую Вас, препоручите меня дружеским чувствам всех Ваших.

А. Смирнова

Ящичек вручите Екатерине Федоровне¹².

Александра Осиповна не отличалась склонностью к прекраснотушию. Как мы знаем, она была женщиной пронизательного ума, хорошо разбиралась не только в светских, но и в политических интригах. Отпечаток ее ума виден на всех ее замечаниях о пушкинской преддуэльной истории. Среди них нельзя не выделить такое, которое могло бы послужить путеводным знаком и для наших сегодняшних размышлений о тактике Пушкина: «И это петербургское глумление над мужьями, за женами которых ухаживают! Они заимствовали этот жанр, думая, что это сделает их вполне французами, так как во Франции смеются над обманутыми

¹¹ См.: Новый мир. 1956. №1. С.153-209.

¹² РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Ед.хр.2761. Л.31-32. Выдержку в русском переводе см.: Встречи с прошлым. М., 1980. Вып.3. С.321. Мы приводим письмо полностью в переводе, любезно выполненном Евгенией Михайловной Лысенко.

мужьями со времени Сганарелля. Но Пушкин не одного теста со Сганареллем, а его хотели прославить рогоносцем»¹³.

Говоря о современных исследованиях по истории дуэли и смерти Пушкина, необходимо выделить книги С.Л.Абрамович, рассмотревшей большое число прямых и косвенных материалов, освещающих эту трагедию¹⁴. Уточнение дат, прочтение неразборчивых слов и сопоставление эпистолярия из разных фондов позволили автору сделать несколько открытий и прояснить ряд темных мест преддуэльной истории.

Существенным источником свежего материала послужили находки Н.Я.Эйдельмана, нашедшие отражение во всех новейших работах¹⁵. Сводом новых точек зрения являются также примечания Я.Л.Левкович к современному переизданию 3-го издания классического труда П.Е.Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»¹⁶, в котором была выдвинута новая в то время тема о намеке по царственной линии в пресловутом «дипломе рогоносца», присланном поэту.

Специфическая трудность исследования истории гибели Пушкина заключается в том, что бросаемый на нее общий взгляд нередко затмевает детали. А именно в этой теме они приобретают первостепенное значение, потому что нужно вникать в особенности совершенно чуждой нам среды и очень далекого времени, а в знании и понимании их заложен успех правильной оценки поведения Пушкина. Вот почему в настоящей работе я позволяю себе вернуться к казалось бы уже решенным вопросам и еще раз посмотреть на них критическим взглядом. Ограничимся здесь тремя сюжетами: беседа Пушкина с баронессой Вревской накануне дуэли, свидание Н.Н.Пушкиной с Дантесом на квартире у Идалии Полетики и один важный, но забытый мотив в развитии преддуэльной истории.

Рассказ баронессы Вревской

Когда Александр Иванович Тургенев вернулся в Петербург с похорон Пушкина в Святогорском монастыре, он тотчас послал тригорской соседке Александра Сергеевича стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». В Тригорском Тургенев провел в бе-

¹³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.19.

¹⁴ См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Изд.2, доп. Л., 1989 (первое издание вышло в 1984); Она же. Пушкин: Последний год. М., 1991.

¹⁵ См.: Эйдельман Н. О гибели Пушкина: По новым материалам // Новый мир. 1972. №3. С.201-226; Он же. Пушкин: Из биографии и творчества: 1826-1837. М., 1987. С.356-440; и др.

¹⁶ См.: Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С.455-549.

седе с П.А.Осиповой и ее самой младшей дочерью целую ночь. Ему было о чем поведать этому преданному другу Пушкина. Последние два месяца жизни поэта А.И.Тургенев видался с ним почти ежедневно, навещая его по утрам в его квартире на Мойке, встречая по вечерам в дружественных кружках. У Карамзиных, Вяземских, Мещерских часто возникали споры по поводу семейных неурядиц Пушкина, причем Тургенев всегда выступал в защиту поэта. В Тригорском он рассказал Осиповой все, что знал о предсмертной истории, кончине и отпевании Пушкина в Петербурге. Описывая в своем дневнике стихийное выражение народного горя, он упомянул о стихотворении Лермонтова, которое назвал в своем дневнике «прекрасным» (правда, не зная еще «Прибавления») ¹⁷. 10 февраля в Петербурге он переписал его в свое письмо к Осиповой. Ответ его корреспондентки был полон неожиданностей.

«Вы угадали, что мне понравятся стихи, — пишет она 16 февраля, — и только такой человек, который хорошо знал поэта, мог их написать». Замечание ее об осведомленности автора «Смерти поэта» в жизни Пушкина заслуживает внимания лермонтоведов. Дело в том, что за это короткое время Осипова успела узнать о трагедии Пушкина новые подробности, оставшаяся неизвестными Тургеневу. «Дочь моя [аронесса] Вревская, — пишет она в том же письме, — возвратилась из Петербурга и 12-го была у меня; подробности, которые она мне рассказывала о последних днях жизни незабвенного Пушкина, раздирали наши сердца и заставили меня жалеть, что я на эту пору не была в С.-Петербурге]...»

Свежесть впечатлений Осиповой в сопоставлении с ее отзывом о стихотворении Лермонтова заставляет нас обратиться к письму Прасковьи Александровны как к документальному источнику. «Я почти рада, — продолжает она, — что вы не слыхали того, что говорил он перед роковым днем моей Евпраксии, которую он любил, как нежный брат, и открыл ей все свое сердце. — Мое замирает при воспоминании всего слышанного. — Она знала, что он будет стреляться! и не умела его от того отвлечь!!...» ¹⁸

На следующий день, 17 февраля, Осипова направляет Тургеневу второе письмо и уже не по почте, а с оказией. Однако и на этот раз она ограничивается одними намеками: «Я знаю, что вдова А[лександра] Серг[еевича] не будет сюда и я этому рада. — Не

¹⁷ Цит. по: Шеголев П.Е. Указ. изд. С.250.

¹⁸ Цит. по: Попова О.И. Неопубликованное письмо П.А.Осиповой к А.И.Тургеневу // Пушкин: Исследования и материалы. Т.4. М.; Л., 1962. С.367.

знаю, поймете ли вы то чувство, которое заставляет меня теперь бояться ее видеть?.. Но многое должно бы было Вам рассказать, чтобы вполне изъяснить все, что у меня на душе — и что я знаю. — Наконец многоглаголанье, и многописания все выйдет "к чему ж теперь рыданье и жалкой лепет оправданья". Но ужас берет, когда вспомнишь, всю цепь сего происшествия»¹⁹.

Тургенев не усомнился в важности сообщения Вревской. 24 февраля он обращается к Осиповой в большом волнении: «Умоляю Вас однако же написать ко мне *все*, что вы умолчали и о чем только намекнули в письме вашем: это важно для истории последних дней Пушкина. Он говорил с вашей милой дочерью почти накануне дуэли: передайте мне верно и обстоятельно слова его; их можно сообразить с тем, что он говорил другим, — и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обещаю вам ее; но для чего таить то, на чем уже лежит печать смерти!»²⁰

Решилась ли Осипова доверить бумаге ужаснувшие ее сведения? Предпринял ли Тургенев попытки впоследствии встретиться с Вревской? Узнал ли нечто, о чем тоже решил молчать? До нас ничего больше не дошло.

Отсутствие развязки этого эпизода позволило многим исследователям игнорировать его, а то и прямо дезавуировать. Так, И.Ободовская и М.Дементьев выражают сомнение в достоверности рассказа Вревской: «Трудно сказать, действительно ли Евпраксия Николаевна была столь осведомлена. Возможно, Пушкин в разговоре и бросил какую-то фразу, намекавшую на предстоящую дуэль, которая потом, в свете последовавших событий, уже толковалась Вревской как доверительное отношение к ней Пушкина». При этом авторы мотивируют свое недоверие к Вревской тем, что «следует всегда помнить об их [тригорских соседок. — Э.Г.] пристрастном отношении к Наталье Николаевне». Далее следует настоящая перепалка с Вревской, как будто она была их современницей. В книге припоминаются эпизоды, относящиеся к пятнадцатилетней Евпраксии: «В свое время в 1824 году Пушкин называл тригорских девиц "несносными дурами" и "довольно непривлекательными во всех отношениях"»²¹. Как известно, вскоре Пушкин сдружился с будущей баронессой Вревской, что позволило ему в 1828 подарить ей главы «Онегина» с надписью: «Твоя от твоих». Ободовская и Дементьев называют Врев-

¹⁹ Пушкин и его современники. Вып.6. СПб., 1908. С.80.

²⁰ Пушкин и его современники. Вып.1. СПб., 1903. С.59.

²¹ Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980. С.343.

скую «пустынькой и провинциальной барыней». Пушкин, видимо, был о ней другого мнения. Не в 1824, а в 1835 и 1836 его письма к Осиповой содержат изъявления самой теплой дружбы ко всем обитателям Тригорского и их соседям, а в последнем письме, написанном за три недели до приезда Вревской в Петербург и за месяц до дуэли, Пушкин пишет: «Передайте от меня поклон всему семейству; Евпраксеи Николаевне в особенности»²².

Однако С.Л.Абрамович в специальной статье, посвященной переписке А.И.Тургенева с П.А.Осиповой, тоже отнеслась с недоверием к сообщениям Е.Н.Вревской²³. Убежденная, что Вревская ничего от Пушкина значительного не услышала в этот последний день перед дуэлью, С.Л.Абрамович пришла к выводу, что дочь передала П.А.Осиповой одни только слухи, ходившие по Петербургу. Это ни на чем не основанное утверждение позволило исследовательнице прийти к неожиданному выводу: Осипова, мол, вообще не ответила Тургеневу. Ну как это могло быть? Только что она писала ему от своего имени и от имени своей самой младшей дочери, тоже принимавшей Тургенева в Тригорском и хоронившей Пушкина. Теплое чувство к нему, уверяла она, станет «порукой всегдашнего о вас живого воспоминания». «Мы мысленно будем следовать за вами всюду, всюду, — пишет она 16 февраля, — и желаю иметь способ от время до время знать, что вы делаете, — это будет нашим утешением»²⁴. Можно ли после таких слов оставить без ответа встревоженное письмо пушкинского друга или отречься от своих слов? Ведь Осипова прямо говорила в этом письме о том, что ей надо рассказать Тургеневу нечто, чего он не знал, и что вся «цепь происшествий» только теперь, после сообщений дочери, представилась ей во всей «ужасной» полноте. И почему мы должны считать несуществующим тот или другой документ только на том основании, что он не зарегистрирован в наших картотеках? Достаточно вспомнить, что одно письмо Осиповой к А.Тургеневу было впервые напечатано только в 1908, а другое, посланное накануне, — в 1962! Как знать, не лежит ли третье письмо Осиповой в каком-нибудь другом архиве и лишь дожидается своего часа?

Пытаясь объяснить поведение Осиповой, С.Л.Абрамович позволяет себе не свойственный ей обычно прием откровенного фантазирования: «П.А.Осипова не ответила на настойчивые воп-

²² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.16. М.; Л. 1949. С.403 (пер. с франц.).

²³ Абрамович С. Накануне дуэли // Литературная Россия. 1985. 8 февраля. С.6-7. Ср.: Она же. Пушкин и Е.Н.Вревская в январе 1837 года // Временник Пушкинской комиссии. Вып.21. Л., 1987. С.158-168.

²⁴ Цит. по: Попова О.И. Указ. изд. С.367, 368.

росы А.И.Тургенева скорее всего потому, что ей *нечего* было сказать. Прасковья Александровна понимала: дочь не сообщила ей ничего такого, что было бы новым и неизвестным для друзей поэта. А пересказывать подробно слухи, порочившие Наталью Николаевну, она не хотела»²⁵. Между тем С.Л.Абрамович, сама того не замечая, нашла ответ на озабоченные вопросы Тургенева.

Обратившись к семейной переписке Вревских и уточнив датировку писем Евпраксии из Петербурга, Абрамович установила хронологию встреч Пушкина с ней перед дуэлью. Пушкин навещал Вревскую несколько раз с 19 по 22 января, а в этот последний день, т.е. в пятницу, они условились пойти 25-го в Эрмитаж. В этот промежуток, когда они не виделись, произошло нечто, что заставило наконец Пушкина послать свое письмо Геккерну. До этого дня разговоры поэта с Вревской и ее родными шли только о Михайловском, куда Пушкин имел твердое намерение ехать со всей семьей на лето. Для этого он должен был закончить свои переговоры с Осиповой и другими членами семьи о покупке ими всего имения, оставив за Александром Сергеевичем только дом и парк.

Оживленные беседы о возможностях осуществления такого проекта лишней раз опровергают версию Геккерна о том, что Пушкин сам искал смерти. Но брат Вревской — А.Н.Вульф энергично опровергал это, указывая, что Пушкин хотел уехать в Михайловское и там закончить свой исторический труд о Петре Великом. Вульф даже предполагал, что Александр Сергеевич учитывал возможность своей вторичной ссылки в Михайловское за дуэль с Дантесом. Конечно, Вульф говорил все это со слов сестры. Ее письма к брату указывают, что, обсуждая положение дел с Михайловским, Пушкин еще ни слова не говорил о своем письме к Геккерну и о неизбежной дуэли. С.Л.Абрамович утверждает, что «22 января 1837 г., когда Пушкин уславливался с Зизи о прогулке в Эрмитаж, он еще не предполагал, что три дня спустя совершит тот шаг, который сделает поединок неизбежным. Этот вновь выявленный факт должен быть введен в контекст событий последних январских дней. Он нуждается в дальнейшем изучении»²⁶.

Но нам хорошо известно, что случилось в канун дуэли! Об этом черным по белому написано в военно-судном деле.

12 февраля среди предъявленных Дантесу вопросов был такой: «Не известно ли Вам, кто писал в ноябре месяце и *после того* к г.Пушкину от неизвестного письма...»

²⁵ Абрамович С. Пушкин и Е.Н.Вревская в январе 1837 года. С.168.

²⁶ Там же.

14 февраля аудитором Комиссии военного суда были заготовлены вопросы для свидетельских показаний жены Пушкина, но Наталья Николаевна в этот день уже выехала из Петербурга и, видимо, суду вообще не разрешили беспокоить ее. Однако первый же вопрос был поставлен так: «Не известно ли ей, какие именно безымянные письма получил покойный муж ее, которые вынудили его написать 26 числа /.../ оскорбительное письмо».

В резюме суда об этом поводе к дуэли сказано еще яснее:

«Кроме того, присылаемы были к Пушкину безымянные равно оскорбительные для чести их [Пушкина и его жены. — Э.Г.] письма, в присылке коих Пушкин тоже подозревал Геккерна, чего впрочем по следствию и суду не открыто. *Напоследок, 26 генваря сего года Пушкин по получении безымянных писем послал к отцу подсудимого /.../ письмо /.../»*²⁷

Суд, безусловно, делал свои заключения, основываясь на показаниях Данзаса, секунданта Пушкина. В материалах суда ясно обрисована последовательность нарастающих событий. Анонимные письма четко разделены по времени на три категории: вначале ноябрьский «диплом» и вызов Дантеса на дуэль, взятый, однако, Пушкиным назад. Затем присылка новых безымянных писем и, наконец, последние письма, очевидно по характеру своему отличавшиеся от предыдущих, так как за ними последовали немелкие действия Пушкина. Было отправлено роковое письмо к Геккерну-посланнику. Нет сомнения, что эти безымянные письма связаны с теми происшествиями, которые произошли между 22 и 25 января 1837.

Традиция вполне резонно связывает последние анонимные письма с подстроенным Идалией Полетикой свиданием Натальи Николаевны с Дантесом. Считалось, что в названных письмах Пушкин был извещен об этом свидании. Но С.Л.Абрамович не могла упомянуть их в своей статье, так как в своей же книге перенесла это свидание на ноябрь 1836 г., чем совершенно перестроила всю драматургию преддуэльной истории²⁸.

Мы знаем очень подробно, как протекали ноябрьские переговоры с Пушкиным для предотвращения дуэли. Поэт сам предоставил Геккерну-отцу двухнедельную отсрочку для «устройства дел» перед дуэлью. Жуковский убеждал Пушкина, что предложение Катерине Гончаровой Дантес делает не для того, чтобы избежать дуэли, что он любит свояченицу Пушкина уже давно и только ради

²⁷ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном: Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900. С.75, 77, 141 (курсив мой).

²⁸ См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.66-81.

нее ездил в дом. Но как могли бы происходить эти беседы, если Пушкин уже знал о свидании жены с Дантесом и о наглых домогательствах кавалергарда при этой встрече? Такое происшествие исключает всякие переговоры с обидчиком. Узнав об этом свидании от самой Натальи Николаевны и из подлых писем, Пушкину уже ничего не оставалось делать, как драться. А он вместо этого выдал письменное свидетельство о том, что в поведении Дантеса не было ничего «недостойного благородного человека».

Таким образом, Абрамович перенесла кульминацию этой двухмесячной эпопеи в самое ее начало, развязка стала завязкой.

Доверительные беседы Пушкина с Е.Н.Вревской оказались неожиданностью для друзей поэта. Они не могли понять, почему перед самым роковым днем Пушкин предпочел им всем простенькую провинциальную даму. Это показывает только, что многолетние друзья ничего не знали о другой стороне его жизни. Осипова, Вульф, их родня, жившая в том же уезде, где находилось Михайловское, все они были знакомые и соседи Пушкиных с давних пор. Когда Е.Н.Вревская, урожденная Вульф, приезжала в Петербург, она нередко останавливалась у матери Пушкина. Теперь, когда Пушкин похоронил мать, он тянулся к своим. Помирился с отцом, беспокоился о сестре, с которой Вревская поддерживала связь, и главное, как уже говорилось, мог свободно обсуждать с ними хозяйственные проблемы Михайловского. За этим, как мы знаем, скрывалось страстное желание поэта избавиться от петербургской жизни, обрести независимость, заниматься любимым трудом. Отсюда и возник, как мы видели, свободный разговор обо всем, что терзало Пушкина в эти последние дни его жизни. Он мог говорить с Евпраксией как с родной. Петербуржцы не понимали этого и с ревнивой подозрительностью строили всякие предположения.

Анна Ахматова считала, что Пушкин расспрашивал у Вревской, что говорят в Петербурге о свадьбе Дантеса. «Вревская сделала свое роковое сообщение, — пишет Ахматова. — В глазах света Дантес герой и т.д., а если Дантес герой — Пушкин смехон. Пушкину было нечего возразить на это. Так возник январский вызов»²⁹.

Но как бы ни был щепетилен Пушкин, трудно признать, что провал его тактики в свете был единственным прямым поводом

²⁹ Ахматова А. О Пушкине. М., 1989. С.119-120.

для бесповоротного последнего решения. П.А.Вяземский, например, который тоже не был осведомлен о содержании бесед Пушкина с Вревской, сделал другое предположение о ее роли. В письме к великому князю Михаилу Павловичу он передает слова Пушкина: «Ему недостаточно уверенности собственной, своих друзей и известного кружка /.../ он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают». С этих высоких позиций Вяземский оценивал смысл бесед Пушкина с Вревской. «Вот в каком настроении он был, — продолжает Вяземский, — когда приехали его соседки по имению /.../ Должно быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и, верно, вести были для него неблагоприятными»³⁰.

Что же? Пушкин интересовался, не считает ли его вся читающая Россия рогоносцем? Это, конечно, обидно, даже нестерпимо оказаться смешным на глазах у всех, но это еще не катастрофа. Как умный человек Пушкин мог бы найти выход из неудобного положения. Но вряд ли его дуэль с молодым гвардейским офицером была бы удачным ходом для восстановления чести мужа. Недаром Жуковский, добиваясь взятия Пушкиным назад ноябрьского вызова Дантесу, приводил и такой довод: «Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления»³¹.

Что бы ни говорили в провинции, главным было мнение света. Неужели же нужно было расспрашивать провинциалку Вревскую об отношении к свадьбе Дантеса в петербургском великосветском кругу? Оно и так было очевидно.

Приведем еще одну цитату из письма Вяземского: «Но часть общества, — писал он, — захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. Ничто ни в прошлом молодого человека, ни в его поведении относительно нее не допускает мысли ни о чем-либо подобном. Последствия это хорошо доказали, как ваше высочество ниже увидите. Во всяком случае, это оскорбительное и неосновательное предположение дошло до сведения Пушкина и внесло новую тревогу в его душу»³².

Как видим, Вяземский разделяет эти два фактора: в Петербурге восхвалялось мнимое благородство Дантеса, а в провинции, надо думать, говорилось о чести Пушкина в более широком смысле.

³⁰ Цит. по: Шеголев П.Е. Указ. изд. С.225 (пер. с франц.)

³¹ Там же. С.82 (письмо В.А.Жуковского А.С.Пушкину от 9 ноября 1836).

³² Там же. С.224.

Барон Б.А.Вревский писал зятю Пушкина Л.Н.Павлищеву 28 февраля 1837, т.е. по свежим следам событий. Он передавал слова Евпраксии Николаевны: Пушкин «счастлив, что избавлен от этих душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования»³³. Такой решительный отзыв не позволяет относить все страдания Пушкина только к мукам ревности. Евпраксия Николаевна слишком хорошо знала Пушкина и читала его как поэта, чтобы так легко примириться с его смертью. Если она все же говорила о несчастном исходе дуэли как об освобождении для Пушкина, она должна была иметь для этого важные причины.

В поисках этих чрезвычайных обстоятельств Б.В.Казанский выдвинул версию об ухаживании Николая I за женой Пушкина³⁴. Самый факт внимания царя к Наталье Николаевне не подлежит сомнению и подтвержден письмами самого поэта. Разумеется, это тревожило Пушкина, опасавшегося сплетен, компрометирующих его политически в глазах демократического читателя.

Неожиданный поворот в оценке событий мы находим в дневнике родного брата Е.Н.Вревской, человека практического и трезвого ума, коротко знакомого с Пушкиным. Вот как невзначай сформулировал он причины дуэли. 21 марта 1842 А.Н.Вульф записал в своем дневнике: «Александр Сергеевич, отправляя его тогда [Л.С.Пушкина в 1835. — Э.Г.] на Кавказ (он в то время взял на себя управление отцовского имения и уплачивал долги Льва), говорил шутя, чтобы Лев сделал его своим наследником, потому что все случаи смертности на его стороне: раз, что он едет в край, где чума, потом — горцы и, наконец, как военный холостой человек, он может быть убитым на дуэли. Вышло же наоборот: он — женатый, отец семейства, знаменитый — *погиб жертвою неприличного положения, в которое себя поставил ошибочным расчетом*, а этот под пулями черкесов беспечно пил кахетинское и так же мало потерпел от одних, как от другого»³⁵.

Что это значит? О каком ошибочном расчете говорит А.Н. Вульф? И чем положение Пушкина было неприличным (*положение*, заметим это, а не *поведение!*)?

³³ Пушкин и его современники. Вып.12. СПб., 1909. С.111.

³⁴ См.: Казанский Б.В. Гибель поэта // Литературный современник. 1937. №3. С.219-243.

³⁵ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.422 (Курсив мой. — Э.Г.).

16 февраля 1837 года П.А.Вяземский писал Э.К.Мусиной-Пушкиной в своем знаменитом письме о гибели поэта: «Тот, кто был его моральным убийцей, кончил тем, что стал им в действительности»³⁶.

В письме к Михаилу Павловичу Вяземский теми же словами охарактеризовал Дантеса: «моральный убийца».

«Как надо понимать эту страшную фразу? — спрашивает Анна Ахматова. — Вяземский называет моральным убийством, конечно, то, что никто не верил в трусость Дантеса, а все говорили, что своей женитьбой он спас Н[аталью] Н[иколаевну]»³⁷.

Бесспорно, толкование Анны Ахматовой весьма убедительно. Но достаточно ли его? Не слишком ли категорично Вяземский определяет тактику Дантеса, как «моральное убийство»? Не было ли еще других симптомов, позволивших так беспощадно определить соотношение сил в этой расправе? Александр Карамзин в своем письме к брату выводит «историю» Пушкина и Дантеса из рамок великосветского скандала: «Когда он, в негодовании, *накладывал на лоб этого врага печать бесчестья*, его собственные сограждане становились на защиту авантюриста и *поносили великого поэта*. Не сограждане его так поносили, то была *бесчестная кучка*, но поэт в своем негодовании не сумел отличить *выкриков* этой кучки от великого голоса общества, к которому он бывал так чуток»³⁸.

О чем здесь говорит Карамзин? Какие «выкрики»? Какие «поношения»? Какая «бесчестная кучка»? Эти выражения не подходят ни к восторженным вздохам знатных барынь, говоривших о «великой любви» Дантеса к жене Пушкина, ни к насмешкам над «глупой ревностью» поэта. Не имели ли в виду Карамзин и Вяземский какие-то другие конкретные факты? Такие данные отмечены в литературе еще в 90-х годах прошлого века, но пушкинисты не пожелали с ними считаться, потому что они были изложены в скомпрометированной книге. Да и до выхода этой книги в некоторых рукописных собраниях появились записи, намекающие на эти неучтенные факты. Так, в архиве редактора «Русской старины» М.И.Семевского сохранилась тетрадь, озаглавленная «Заметки о виденном и слышанном дома и за границей — 1886-1887 гг.». В тетради содержится запись о встрече в Висбадене с младшей дочерью

³⁶ Цит. по: Ахматова А. Указ. изд. С.132 (перевод А.Ахматовой).

³⁷ Ахматова А. Указ. изд. С.132.

³⁸ Пушкин в переписке Карамзиных 1836-1837 годов. М.; Л., 1960. С.191.

Пушкина графиней Н.А.Меренберг. Семейский беседовал с ней о великой беде, случившейся ровно полвека назад. Она сказала: «Все, что знаю об отце, это уже по рассказам моей матери. Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно. Едва только друзья его, В.А.Жуковский, князь П.А.Вяземский успокоют отца моего, — он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение»³⁹. Эту запись М.Семевский не напечатал в своем журнале, она была опубликована впервые лишь в 1924 и серьезного внимания не привлекла. Еще меньше интереса вызвал другой рассказ такого же содержания, записанный от одного из домочадцев Натальи Николаевны: «Старушка няня детей Пушкиных, — читаем в «Русской старине», — рассказывала впоследствии, что в декабре 1836 года и в начале января 1837 года Александр Сергеевич был словно сам не свой: он или по целым дням разъезжал по городу, или, запершись в кабинете, бегал из угла в угол. При звонке в прихожей выбегал туда и кричал прислуге: "Если письмо по городской почте, — не принимать!"», а сам, вырвав письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет и там что-то громко кричал по-французски»⁴⁰.

О потоке писем писал А.О.Смирновой и более авторитетный свидетель П.А.Вяземский: «*Проклятые письма*, проклятые сплетни приходили к нему со *всех сторон*»⁴¹.

О том же писал из Петербурга Н.И.Любимов — хорошо осведомленный корреспондент историка М.П.Погодина. Письмо написано 3 февраля, т.е. непосредственно после событий. Описав преддуэльную историю, Любимов правильно указал на бал у Воронцова-Дашкова, где Дантес демонстративно возобновил свои ухаживанья за Натальей Николаевной, и продолжал: «Потом (*да и до этого*) Пушкину посыпались разные анонимные письма и пасквили»⁴².

Это известие быстро распространилось по Москве.

Всюду говорится о лавине анонимных писем, а в пушкинстике обычно фигурируют только два письма: ноябрьский «диплом» и злорадное январское извещение о свидании Натальи Николаевны с Дантесом на квартире у Идалии Полетики. Из них до нас дошло только два идентичных экземпляра «диплома». Но, как мы видели, об этих письмах говорилось и на суде, хотя со-

³⁹ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пб., 1924. С.127-128.

⁴⁰ Русская старина. 1880. №7. С.515.

⁴¹ Русский архив. 1888. №7. С.297.

⁴² Цит. по: Памяти П.Н.Сакулина: Сб. статей. М., 1931. С.311 (курсив мой).

держание их осталось неизвестным. А самый факт свидания подтвержден материалами, собранными С.Л.Абрамович, хотя даты этого происшествия в них не указано.

Между тем о содержании декабрьских и январских анонимных писем говорится с полной определенностью в книге, начисто отвергнутой исследователями. Я имею в виду «Записки» А.О.Смирновой, изданные ее дочерью. О возможности пользоваться разделом этой книги, озаглавленным Ольгой Смирновой «Смерть Пушкина», — речь пойдет дальше. Пока позволим себе остановиться только на тех ее строках, которые вносят совсем новый мотив в наше представление о травле Пушкина перед дуэлью.

В авторском вступлении к «Смерти Пушкина» Ольга Смирнова рассказывает: «Когда Дантес был объявлен женихом Cathérine Гончаровой, Пушкин взял назад свой первый вызов /.../ Вскоре по городу распространилась сплетня, нараставшая, как снежный ком; говорили, будто Пушкин взял обратно вызов из трусости. Между тем он, подобно Грибоедову и Лермонтову, отличался замечательной храбростью, спокойным, холодным мужеством и имел много дуэлей в Кишиневе /.../ Пушкина забрасывали анонимными русскими и французскими ругательными письмами, упрекали в трусости»⁴³.

Не о том же ли говорил А.Ч.Медженис, английский дипломат, служивший в посольстве в Петербурге? О.Н.Смирнова приводит записку своего родного дяди Клементия Россета, которую, по ее утверждению, она нашла в семейном архиве: «Magennis опротивела эта травля; он, наконец, сказал мне: "Значит, они хотят довести его до крайности, добиваются его смерти или желают навлечь на него гнев Царя. Это — гнусность"»⁴⁴.

О письменных провокационных нападках на Пушкина писал в своих воспоминаниях и барон Ф.А.Бюллер: «В сороковых годах у Одоевского Лев Пушкин впервые узнал из подробного, в высшей степени занимательного рассказа гр.Виельгорского все *коварные подстрекания*, которые довели брата его до дуэли. Передавать в печать слышимое мною тогда и теперь еще неудобно. Скажу только, что известный впоследствии писатель-генеалог П.В.Долгоруков был тут поименован в числе авторов возбудительных подметных писем»⁴⁵.

Эти строки Анна Ахматова использовала в качестве доказательства не только виновности Долгорукова, но и коллективного

⁴³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Русский архив. 1872. Кн.1. Стлб.204.

авторства анонимного «диплома»⁴⁶. Добавлю: не только авторов было несколько, но и «возбудительных писем», как видим, было не одно и не два.

В книге О.Смирновой приведен перевод письма баронессы Фредерикс к А.О.Смирновой. Ее свидетельство об отношении Николая I к дуэли Пушкина имеет вес, потому что Сесиль Фредерикс была близкой подругой императрицы и своим человеком во дворце. Она писала, что государь «все-таки высказал мнение, что Пушкин принужден был драться с минуты получения *анонимных писем, в которых упрекали его в трусости и подлости за то, что он взял назад первый вызов*, когда Дантес объявлен был женихом Catherine Гончаровой. Государь говорил: "Его принудили [драться]. Я видел письма, я все знаю теперь. От меня хотели скрыть истину, но она часто выходит наружу"»⁴⁷.

Мы не обязаны верить искренности слов Николая I относительно его неведения, но нет сомнения, что Сесиль Фредерикс не осмелилась бы исказить слова царя в своем письме. Вряд ли на это решилась бы впоследствии и Ольга Смирнова, декларативно заявлявшая о своей преданности монархии. А оба письма Пушкина, т.е. письмо с отказом от дуэли и последнее, послужившее поводом к вызову Дантеса, действительно находились у царя: об этом имеется справка в военно-судном деле.

Был в распоряжении Николая I и ответ нидерландского посланника на последнее письмо Пушкина. Там мы читаем то же обвинение, что и в анонимных письмах, указанных в книге Смирновой: «Вы, по-видимому, забыли, милостивый государь, что вы именно отказались от вызова, направленного вами барону Жоржу де Геккерну и им принятого. Доказательство тому, что я здесь заявляю, существует — оно писано вашей рукой и осталось в руках у секундантов»⁴⁸.

Вот где была роковая ошибка Пушкина! Это его письмо с отказом стало орудием шантажа в руках опытных интриганов. Вспомним, как торговались Геккерны, сами выставившие предложением к примирению сватовство Дантеса, как добивались его реабилитации обязательно в письменном виде. Посредники в этом конфликте были настолько озабочены примирением, так хотели избавить поэта от опасности, что не заметили, как двусмысленно звучало письмо Пушкина: «Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Геккерна на дуэль, и он принял

⁴⁶ См.: Ахматова А. Указ. изд. С.125-126.

⁴⁷ Смирнова А.О. Указ. изд. С.93.

⁴⁸ Цит. по: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.16. М.; Л., 1949. С.408 (пер. с франц.).

вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела соблаговолить считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадмуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф⁴⁹, воспользоваться этим письмом так, как сочтете уместным»⁵⁰.

Жуковский и Виельгорский (тоже принимавший деятельное участие в улаживании ноябрьского конфликта) были так уверены в благородстве Пушкина, что упустили из виду, какое низкое применение могли придать Геккерны его отказу от дуэли. Письмо Пушкина, удовлетворившее его посредников, оказалось бумерангом, нанесшим смертельный удар поэту. «Пушкин и жена его попали в гнусную западню, их погубили»⁵¹, — писал П.А.Вяземский 16 февраля 1837, обращаясь к Э.К.Мусиной-Пушкиной. В свете всего сказанного выше фраза Вяземского приобретает реальный смысл.

Забытый мотив преддуэльной истории объясняет многое из того, что казалось случайным или эпизодическим в поведении Пушкина и его друзей. Вспомним письмо В.Ф.Вяземской в Москву, посланное вскоре после катастрофы. Она рассказывает в частности о последнем вечере, проведенном Пушкиным у Вяземских. Он сообщил ей, что послал свое решающее письмо Геккерну: «"Неужели вы думаете об этом? — сказала я. — Мы надеялись, что все уже кончено". — Тогда он вскочил, говоря мне: "Разве вы принимаете меня за труса?"»⁵². Письмо Вяземской написано по-французски и, согласно ее передаче, Пушкин употребил слово «lâche», которое в данном контексте можно перевести как «подлец» («разве вы принимаете меня за подлеца?»).

Понятнее становится тревога Пушкина и за свою репутацию честного человека в провинции.

Проясняется также поведение друзей поэта. Вревская и Александрина не могли противодействовать силе страсти оскорбленного Пушкина и отговорить его от дуэли. Кстати говоря, Алек-

⁴⁹ Письмо было вручено графу В.А.Соллогубу, секунданту Пушкина на несостоявшейся дуэли.

⁵⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Указ. изд. Т.16. С.396.

⁵¹ Русский архив. 1900. №3. С.395.

⁵² Неизвестное письмо В.Ф.Вяземской о смерти А.С.Пушкина / Публ. Н.Бельчикова // Новый мир. 1934. №12. С.189.

сандрине вовсе не требовалось быть в особенной близости к Пушкину, чтобы видеть поток гнусных писем, посланных в дом, в котором она жила. Да и вряд ли можно предупреждать женщину, с которой герой якобы находится в тайной связи, что он отправляется на поединок. Ведь она могла пойти на любые действия, чтобы спасти любимого человека от смертельного риска. Если бы она его любила. Но нет: не любила.

Теперь вспомним, что узнав о письме Пушкина к Геккерну, В.Ф.Вяземская просила бывших у нее в этот вечер В.А.Перовского и М.Ю.Виельгорского, чтобы они дождались возвращения домой Вяземского и сообща приняли решение о мерах для предотвращения дуэли. Как известно, гости ушли до прихода хозяина, а Вяземский, как видно, решил не вмешиваться. Мы удивляемся вялости поведения друзей Пушкина? Но ведь один раз они уже добились отмены дуэли, выработали вместе с Пушкиным условия примирения. А что из этого вышло? Злостное обвинение поэта в неблагоприятной сделке с соперником, компрометировавшим его жену. Кроме того, мы не знаем, не пытался ли Виельгорский увидеться с Пушкиным на следующее утро. Не потому ли Пушкин только ему одному сказал при последнем прощании, что любит его⁵³? Освобождал ли он этим Виельгорского, не сумевшего отговорить его от дуэли, от раскаяния? Или, напротив, благодарил за понимание неотменяемости решительного поступка, приведшего к смерти поэта?

«Лжезаписки»

Итак, мы вводим в преддуэльную историю Пушкина новый весьма существенный элемент на основании «Записок» А.О.Смирновой, изданных ее дочерью Ольгой Николаевной в 1895-1897. Это может быть принято сведущим читателем с недоумением и даже негодованием. Книга О.Н.Смирновой давно изъята из научного обихода, признанная фальсифицированным сочинением. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона эти «Записки» названы «малодостоверными и полными ошибок и анахронизмов». В.Ф.Саводник в примечаниях к «Дневнику» Пушкина указал в 1923, что книгой Ольги Смирновой «можно пользоваться лишь с величайшей осторожностью и при условии постоянной проверки ее данных при помощи других источников»⁵⁴.

⁵³ См.: Щеголев П.Е. Указ. изд. С.248.

⁵⁴ Пушкин А.С. Дневник (1833-1835 гг.). М.; Пг., 1923. С.291.

«Это сказано слишком мягко, — откликнулся в 1925 М.А.Цявловский: — "Записками" Смирновой совершенно нельзя пользоваться»⁵⁵. С исключительной категоричностью отзывался о книге Ольги Смирновой П.Е.Щеголев в своем классическом труде «Дуэль и смерть Пушкина»: «С особенною резкостью исследователь истории последней дуэли должен оттолкнуть от себя такие негодные источники, как пресловутые "Записки А.О.Смирновой"»⁵⁶. Однако безапелляционность всех этих заявлений может относиться лишь к основной части издания Ольги Смирновой, где она, заполняя целые страницы выдуманнами беседами Пушкина с ее матерью, делает поэта, по выражению Отто-Онегина «кислым резонером»⁵⁷.

Но раздел «Смерть Пушкина» в значительной части построен на несколько вольных переводах петербургских писем, полученных Смирновой-Россет в Париже непосредственно после гибели Пушкина. А.Глассе, например, считает, что «приведенные О.Н.Смирновой в приложениях эпистолярные материалы несомненно подлинные»⁵⁸. Что касается текста самих записок, то они рассматриваются автором как результат литературного творчества дочери А.Смирновой-Россет, а не ее подлинные записки. Снисходительнее отнеслась к изданию О.Н.Смирновой С.В.Житомирская. Назвав «Записки» «причудливым сочетанием разнообразных источников», она тем не менее отметила, что «несомненно наличие у О.Н.Смирновой в период ее работы над произведением, изданным в качестве записок А.О.Смирновой, сделанных ею самою в разные годы, записей рассказов матери»⁵⁹.

Последуем рекомендации Саводника и продолжим проверку данных этой сомнительной книги по другим достоверным источникам.

Вернемся к письму А.О.Смирновой-Россет к П.А.Вяземскому. Выдержка из него была взята О.Смирновой в качестве эпиграфа к разделу «Смерть Пушкина». Теперь, когда Остафьевский архив князей Вяземских полностью разобран и описан, мы получили возможность сравнить оба текста. Правильность заключения Жито-

⁵⁵ Рассказы о Пушкине, записанные /.../ П.И.Бартеневым в 1851-1860 гг. / Вступ. статья и прим. М.Цявловского. М., 1923. С.116.

⁵⁶ Щеголев П.Е. Указ. изд. С.63.

⁵⁷ Цит. по: Петухов Е.В. Пачка писем // Памяти П.Н.Сакулина. М., 1931. С.220.

⁵⁸ Глассе А. Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства // Временник Пушкинской комиссии: 1977. Л., 1980. С.14.

⁵⁹ Житомирская С.В. К истории мемуарного наследия А.О.Смирновой-Россет // Пушкин: Исследования и материалы. Т.9. Л., 1979. С.336, 333.

мирской подтвердилось. Перевод в книге Смирновой осуществлен не вполне точно, но это не нарушает общего смысла письма. Так, вместо «douloureusement poétique» («скорбно-поэтического») переведено «нет ничего поэтичнее его жизни и смерти». Вместо названия журнала в фразе А.О.Смирновой «В сегодняшнем "Ревю де Пари"» стоит «Один из парижских журналов»⁶⁰. Такого рода отклонения не дают оснований для полного отказа от использования этого источника.

Когда П.Е.Щеголев находил несообразности в изложении О.Смирновой, он еще не знал многого из того, что стало известно в последующие десятилетия. Еще меньше, чем Щеголев, знала О.Смирнова в девятидесятых годах. Но сейчас мы можем сказать, что многое, о чем идет речь в разделе «Смерть Пушкина», подтвердилось. Если, например, Смирнова упоминает «некоего маркиза или графа Тена»⁶¹, явившегося в Петербург одновременно с Дантесом, то это оказывается «маркиз де Пина», названный Пушкиным в своем дневнике. Значит, Ольга Смирнова держала в руках подлинную запись матери, но не разобрала фамилии маркиза. Выраженное в книге скептическое отношение А.О.Смирновой к политическому прошлому Дантеса подтвердилось свидетельством А.И.Тургенева. В Париже, уже после смерти Пушкина, он узнал, что Дантес «с Беррийской дюшессой никогда не воевал и на себя налгал»⁶². Далее: О.Смирнова сообщает от имени матери: «Фикельмон пишет мне, что его теща пожелала, чтобы ей представили Лермонтова после появления его стихов; она прочла их, рыдая»⁶³. Это известие долгие годы воспринималось пушкинистами как еще одна выдумка О.Смирновой, так как о близком знакомстве Лермонтова с Е.М.Хитрово в литературе ничего не было известно. Только через много лет нашлись воспоминания М.Б.Лобанова-Ростовского, где, говоря о знакомстве с Лермонтовым, вернувшимся из кавказской ссылки за стихи на смерть Пушкина, он рассказывал: «Первое появление Лермонтова в свете произошло под покровительством женщины — одной очень оригинальной особы /.../»⁶⁴. В даваемой им характеристике этой женщины нетрудно узнать Елизавету Михайловну Хитрово, мать жены австрийского посла Фикельмона. Число таких примеров можно было бы увеличить. Но особое место занимает в книге описание роли Идалии Полетики в истории дуэли.

⁶⁰ Смирнова А.О. Указ. изд. С.1.

⁶¹ Там же. С.12.

⁶² Литературное наследство. Т.58. М., 1952. С.148-149.

⁶³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.14.

⁶⁴ Герштейн Э. Судьба Лермонтова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1986. С.165.

Полное доверие вызывают письма из Петербурга, где тактика Идалии и поведение Дантеса в обществе отражены с большой живостью.

Помимо центральной для нас темы обвинений Пушкина в трусости, которые до сих пор не учитывались, мы найдем в письмах к Смирновым из Петербурга и в сведениях об обсуждении их в Париже общими друзьями еще много нового и ценного.

Интересно, что книгой О.Смирновой иногда пользовались даже те, кто безоговорочно отрицал ее достоверность, но делали это, так сказать, контрабандно. Даже П.Е.Щеголев, который в предисловии к первому изданию своего труда сетовал на то, что «кое-кто из исследователей все еще считается с сообщениями этих Записок»⁶⁵, не обошелся без них, когда искал подтверждения одной из своих догадок: «Поверим на этот раз Ольге Смирновой», — заявил он в 1928⁶⁶. Б.В.Казанский, печатая в 1928 статью со своей концепцией истории гибели Пушкина, привел прямую цитату из книги О.Н.Смирновой⁶⁷. В наше время даже такой взыскательный и точный исследователь, как С.Л.Абрамович, тоже не удержалась и, используя одно из писем, вынуждена была оправдываться: «в данном случае ее рассказ вызывает доверие»⁶⁸.

Но отбирать по ходу развития своей мысли, что заслуживает доверия, а что — нет, — это рискованный путь, на котором трудно избежать субъективного подхода.

И почему так непоследовательно? По стилю приведенных Смирновой писем легко можно отличить, где подлинное письмо, а где пересказ содержания, всегда более или менее искаженный.

Раздел «Смерть Пушкина» из «Записок» А.О.Смирновой нужно переиздать с критическим комментарием. И тогда читатель сам разберется, на «этот» или на «тот» раз, и в каком «случае» ей можно верить. Да во всех случаях поверить можно, но вот согласиться со всеми высказываниями, представленными в этом хоре голосов, уже труднее. К сожалению, для беспристрастного анализа этого материала из архива Смирновых возникнет сильная преграда. Это — табу, наложенное сегодня на обсуждение жены поэта. Отзывы о ней А.О.Смирновой или С.А.Соболевского не всегда совпадают с сусальным портретом, созданным современными идолопоклонниками. Однако выбор неизбежен: либо прикнуть к ним, либо искать истину о трагедии, оборвавшей жизнь великого человека.

⁶⁵ Цит. по: Щеголев П.Е. Указ. изд. С.27.

⁶⁶ Цит. по: Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С.375.

⁶⁷ Казанский Б. Гибель Пушкина // Звезда. 1928. №1. С.109.

⁶⁸ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 г. Указ. изд. С.285.

У Александры Осиповны Смирновой составилось твердое мнение о виновниках гибели Пушкина. Ольга Смирнова пишет от имени матери: «Наступило некоторое спокойствие после свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса, и это спокойствие обмануло отчасти ожидания литературной клики: Греча, Сенковского, Булгарина. К.Булгаков убежден, что русские письма были написаны какими-то третьеразрядными писаками, которых Соболевский называет "гостинодворскими музами"». Пушкин получал подобные и раньше, и когда Соболевский уезжал, — он показал ему одно из них, в котором он узнал милые когти Фиглярина. Но французские письма иного происхождения: они, вероятно, из тех болот, в которых наслаждался Хромоногий /.../»⁶⁹.

Речь идет, несомненно, о кн. П.В.Долгорукове, вошедшем в мемуарную литературу под прозвищем «banca!». У Смирновой оно переведено как «Хромоногий», но обычно переводится ближе к французскому значению — «кривоногий», «колченогий» или «косолапый». О подозрениях, павших на Долгорукова в авторстве «диплома», в пушкинистике существует обширная литература. Этот вопрос требует еще дальнейшего изучения.

Участие Булгарина в рассылке анонимных писем к Пушкину весьма правдоподобно. Нет никаких оснований не верить сообщению Смирновой об эпизоде с подлым, писанным по-русски анонимным письмом, которое показывал Соболевскому Пушкин. Соболевский уехал из России 7 августа 1836. Значит тогда, когда Пушкины жили на даче, и сестры Гончаровы вместе с Натальей Николаевной встречались с кавалергардами, Пушкин уже начал получать подметные письма. Авторство Булгарина очень возможно. Не говоря уже о том, что в это самое время Булгарин вел ожесточенную полемику с пушкинским «Современником», злорадство его именно по поводу ухаживанья Дантеса за женой Пушкина вполне объяснимо. Вспомним, что в «постскриптуме» знаменитой «Моей родословной» Пушкина содержался убийственный намек на жену Булгарина. И.Боричевский назвал его «искусным личным заслоном для небезопасного политического выступления»⁷⁰. Главный удар куплетов Пушкина, как известно, был направлен против новой, т.е. романовской знати. Но это не помешало Пушкину свести счеты с Булгариным, спровоцировавшим этот памфлет свои-

⁶⁹ Смирнова А.О. Указ. изд. С.18.

⁷⁰ Боричевский И. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией // Литературное наследство. Т.45/46. М., 1948. С.328.

ми непозволительными глумливыми выходками против предков поэта. Напомню, что после одических стихов в честь Петра I и его питомца абиссинца Ганнибала (предка Пушкина) в «Моей родословной» содержался ответ, прямо адресованный Булгарину. В нем были такие стихи:

Кто ж он в семье своей почтенной?
Он? Он в Мещанской дворянин.

«Стихи вызваны фактами биографии жены Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской», — читаем в комментариях с этим стихам⁷¹. Можно себе представить, каким лакомым куском оказались для Булгарина сплетни о романе жены Пушкина с Дантесом. Вскоре булгаринский арсенал пополнился новым оружием: Пушкин вызвал Дантеса, но взял назад вызов. А сколько было насмешек над Булгариним, когда он отказался от дуэли с Дельвигом! Булгарин тогда получил ругательное письмо за многими подписями⁷². Теперь он мог рассчитывать с Пушкиным и его соратниками, «литературными аристократами»: он получил возможность трактовать отказ Пушкина от дуэли как подлую сделку с соперником. Версия о происхождении русских подметных писем от Булгарина представляется поэтому весьма правдоподобной.

Убеждаясь в важности материалов О.Смирновой о гибели Пушкина, нельзя не остановиться на записи, подводящей итог полученным из Петербурга известиям: «Во всех письмах проявляется одно и то же чувство: Россия лишилась своего славнейшего украшения по вине трех роковых личностей, приведенных неисповедимую судьбою в Россию и сплотившихся здесь»⁷³. Кто же третий пришелец? В Геккерне и Дантесе мы не сомневаемся. Но Долгоруков — коренной русский, потомок древнейшего княжеского рода, считавшегося происходящим от Рюрика. Вероятно, третьим надо считать поляка Булгарина, который служил в армии Наполеона во время Отечественной войны, после чего вернулся в Россию.

Выразительными характеристиками сопровождает Смирнова имена обоих Геккернов: «Старый Геккерн отличался цинизмом поседельных развратников прежних времен; он постоянно злословил и сплетничал». Облик Дантеса нарисован едко и пренебрежительно: «Дантес приехал в Россию искать счастья, подобно стольким другим иностранцам ('подобно сотням беглецов', по

⁷¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1963. С.514.

⁷² Там же. Т.8. М., 1964. С.543.

⁷³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.6.

Лермонтову); все его достоинства ограничивались красивой наружностью, хотя в кавалергардском мундире, он представлял из себя красавца-мужчину довольно заурядного типа, — умением хорошо танцевать, говорить рискованные остроты, двусмысленности и плоские каламбуры, которыми изобилуют некоторые французские пьесы, пленять дам шутками в стиле *Vaudeville* и *Palais-Royal*, а товарищей — казарменными анекдотами»⁷⁴.

После многих оговорок Смирновой-дочери можно заключить, что кроме этих трех господ мать ее считала непосредственными виновниками еще двух женщин. Нам известна нескрываемая вражда, разделявшая Пушкина и графиню М.Д.Нессельроде (жену вице-канцлера), но в данном случае ее имя не подойдет, так как Смирнова-Россет была с ней в дружеских отношениях, сохранявшихся и после смерти Пушкина. Одна из этих дам, несомненно, Идалия Полетика, обозначаемая иногда как X, иногда как XX, а иногда и первой буквой имени — И. Вторая дама — XXX, т.е. три «икс», вероятно, падчерица Бенкендорфа княгиня Е.П.Белосельская-Белозерская (ур. Бибикова). Мы знаем из рассказа секунданта Пушкина Данзаса, записанного и изданного А.Амосовым в 1863, что она покровительствовала Дантесу⁷⁵, а П.В.Анненков назвал ее убийцей Пушкина наряду с Дантесом и Бенкендорфом⁷⁶.

В этой связи интересно привести еще не публиковавшуюся ее характеристику, набросанную мемуаристом, знавшим ее в 1839, т.е. через два года после смерти Пушкина: «Натура неблагодарная, холодная, сухая, дорожившая лишь приманками тщеславия, блеском имени, богатства и красоты, развратная вследствие увлечений своего безудержного темперамента, при этом расчетливая в своем разврате и /.../ сохранявшая внешние приличия в своих любовных связях»⁷⁷.

Роль Идалии Полетики обрисована в книге Смирновой очень подробно. Смирнова писала о Наталье Николаевне: «Ее милые подруги постоянно разносили все сплетни о ней и даже постоянно чернили ее, в особенности XX и XXX, завидовавшие ее красоте. XX делала это, потому что была влюблена в Дантеса, XXX — потому что все восхищались стройностью Natalie, потому что у нее нет ни такого стана, ни таких плеч. Обе они красивы, но Natalie на балу затмевала их»⁷⁸.

⁷⁴ Смирнова А.О. Указ. изд. С.6.

⁷⁵ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1974. С.323, 497.

⁷⁶ См.: Эйдельман Н. О гибели Пушкина. Указ. изд. С.219.

⁷⁷ Лобанов-Ростовский М.Б. Воспоминания // ОПИ ГИМ. Ф.174. Ед.хр.5 (пер. с франц.).

⁷⁸ Смирнова А.О. Указ. изд. С.3.

Наглядной иллюстрацией этих слов Смирновой может служить описание одного из балов в Аничковом, сделанное императрицей в письме к С.А.Бобринской 16 ноября 1836: «Вчера было воскресенье и у нас был бал /.../ все шло лучше, чем я могла думать. — Было как будто весело. Пушкина казалась прекрасной волшебницей в своем белом с черным платье. — Но не было той сладостной поэзии, как на Елагином. — Вишнякова очень красива, молодая Барятинская и Мария Трубецкая привлекали своими высокими фигурами, стройные и гибкие. У Аннет Бенкендорф, белой как алебастр, нет, мне кажется, столько обаяния, сколько у маленькой Белосельской, которая своими прекрасными глазами и очаровательной меланхолией больше привлекает мужчин, чем ее сестра»⁷⁹.

Среди писем, полученных Смирновой-Россет из Петербурга, было письмо от Екатерины Николаевны Мещерской (ур. Карамзиной), confidentки и единомышленницы Пушкина. Смирнова пишет от имени матери: «Catherine Мещерская сделала бурную сцену ХХ [то есть Идалии Полетике. — Э.Г.]; она сказала ей: "Теперь вы довольны, вы также клеветали на Natalie, кокетничали с Дантесом и сыграли дурную роль по отношению к ней. Она вам передавала неприличные выходки этого дурно воспитанного господина, а вы разглашали их, чтобы погубить ее. Это низко". ХХ была ошеломлена, но поделом ей: она в самом деле сыграла низкую роль»⁸⁰.

О том же пишет уже весной 1837 А.П.Дурново (ур. кн. Волконская):

Продолжают злословить m-me П[ушкину], рассказывая о ее любви к Дантесу; вы отгадаете, *кто* более всего распространяет эту глупую клевету, и я, право, совсем расстраиваюсь, когда вижу эту женщину. Мне так и хочется дать ей встряску. Она всюду бывает и готова употребить все средства, чтобы очернить Пушкину и обелить Дантеса, и у С., и у Б., и у их союзников. Я предполагаю, она в отчаянии от того, что ее танцора выпрово-

⁷⁹ Герштейн Э. Вокруг гибели Пушкина // Новый мир. 1962. №2. С.213 (пер. с франц.). С.Л.Абрамович удалось установить указанную выше дату письма. См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.145-146. Однако ее соображения об особенном внимании к Н.Н.Пушкиной, проявившемуся на этом балу, вряд ли справедливы. Императрица называет ее первой, чтобы отделить от других красавиц, так как Наталья Николаевна всегда считалась звездой первой величины. Но воспоминание о «сладостной поэзии» на Елагином вряд ли имеет отношение к Пушкиной и Дантесу, как полагает Абрамович. Императрица сама с искренним увлечением отдавалась всем радостям придворных празднеств.

⁸⁰ Смирнова А.О. Указ. изд. С.12.

дили за границу с фельдъегерем и что на будущее время доступ в Россию ему закрыт⁸¹.

Вот это и есть причина пожизненной ненависти Идалии Полетики к Пушкину. Дуэль, на которой погиб поэт, разбила ее счастье, разлучив с обожаемым Дантесом. И женитьбы его на Катерине не было бы, если бы Пушкин не послал ему первого вызова. Зачем же искать какие-то загадочные причины ненависти Полетики к Пушкину. Все и так ясно.

Какова же была роль Идалии Полетики при жизни Пушкина? Об этом в книге есть подробный рассказ. «Самое скверное то, — пишет Смирнова от имени матери, — что он [Дантес] никогда не был влюблен в Натали, он находил ее глупой и скучной; он был влюблен в И[далию] и назначал ей свидание у Натали, которая служила ширмой в продолжении двух лет. И[далия] страшно боялась своего beau-père (больше, чем своего мужа) и своей семьи, так как для нее скандал был бы концом всего, потому что ее положение в семье было довольно затруднительное. Она очень хорошенькая, привлекательная, умная, и ее дружбу с Натали и эту внезапную нежность никто не понимал, так как прежде она жестоко потешалась над ней. И вот, в один прекрасный день, они неразлучны. Натали, очень простодушная, прекрасно служила ширмой, и ее мелкое тщеславие было польщено тем, что она была предметом чьей-то страсти. И[далия] повторила ей, что это лестно, Catherine Гончарова была более прозорлива: она ненавидела И[далию], потому что сама сходила с ума по Дантесу. Александра Гончарова была тоже очарована И[далией]⁸², и Геккерен, который *знал все это*, имел развратное удовольствие играть низкую роль. Это старый негодяй, человек без принципов, без чести, тип старого повесы XVIII в., который наслаждается всяким скандалом, насмехается над всем и вмешивается во все интриги»⁸³.

Изображенное Смирновой закулисное участие Геккерена в проделках сестер Гончаровых, Идалии Полетики и Дантеса в доме

⁸¹ Смирнова А.О. Указ. изд. С.91.

⁸² М.Б.Лобанов-Ростовский вспоминал, какой она была в 1839, когда дружила с графиней А.К.Воронцовой-Дашковой: «Высокая дама, с сильными страстями, предметы которых однако часто менялись. Она выбирала предметы своей страсти в кавалергардском полку, в котором служил ее муж, образец всех мужей по глупости и по примерной покорности своей супруге. Эта красивая особа, по возрасту значительно старше молодой графини, казалась в то время несколько поблекшей; но когда я увидел ее десять лет спустя в Париже, я был поражен, найдя ее помолодевшей и похорошевшей до такой степени, что ее трудно было узнать, и царившей среди самых элегантных женщин парижского общества» (Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч.).

⁸³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.24. (Курсив мой).

Пушкина совпадает с той ролью, какую он, по наблюдениям Анны Ахматовой, играл в доме Карамзиных. Нидерландский посланник не бывал у них, но сумел, по мнению Ахматовой, повлиять на младшее поколение Карамзиных и на всю *bande joyeuse*⁸⁴, собиравшуюся у них⁸⁵. Что касается утверждения Смирновой о доставшейся на долю Натальи Николаевны роли ширмы, то с таким же успехом роман (пусть даже связь) Дантеса с Италией мог служить ширмой для его влюбленности в жену Пушкина. Уже осенью 1836 Дантес, «не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, — как заметила С.Н.Карамзина, — /.../ издали бросает нежные взгляды на Натальи /.../»⁸⁶. Все это показывает, насколько развито было в этом кружке игровое начало. К несчастью, все эти розыгрыши, поддразнивания, маленькие и большие коварства в доме Пушкина превращались под руководством Геккерна в опаснейшие каверзы.

В этих светских пересудах поражает осуждение «смешного, гадкого и неприличного» поведения Дантеса в обществе: он «на балах разыгрывал из себя трепещущего сентиментального влюбленного, и, как тень, следовал за своею *belle-soeur* [свояченицей]», — пишет одна из корреспонденток⁸⁷. Другая передает реплику своего брата: «Любовь не извиняет поступка Дантеса /.../ кроме того эта любовь далеко не была хорошею свойства, не была ни искреннею, ни чистою; выражать же подобным театральным образом свои чувства — странно и непозволительно»⁸⁸.

А вот речи одного бывшего «арзамасца», умного и образованного дипломата, которого очень любил Пушкин, П.И.Полетики (однофамилец, но не родственник Италии):

Если даже и была между ними любовная связь, то честный человек обязан скрывать свои чувства, тогда как *beau-frère m-me* П[ушкиной] хвастался этим во всех салонах, в полку; он распространял об ней слухи гораздо раньше женитьбы и ухаживал за нею с шокирующим упорством и неприличием. Она — красавица, и *cela le posait*⁸⁹ — быть благосклонно принятым поклонником красавицы; его тшеславие фата, — ибо это, безусловно, фат, — было польщено, когда его считали любимым. Это — привычка дурно воспитанных волокит. И так как на этот раз он ничего не добился, то он хоть других хотел уверить в своем успехе, чтобы доказать свою неотразимость⁹⁰.

⁸⁴ Веселая шайка (*франц.*).

⁸⁵ См.: Ахматова А. Указ. изд. С.112.

⁸⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. М.; Л., 1960. С.109.

⁸⁷ Смирнова А.О. Указ. изд. С.90.

⁸⁸ Там же. С.91.

⁸⁹ Это создавало ему положение (*франц.*).

⁹⁰ Смирнова А.О. Указ. изд. С.91-92.

Свет все видел, но молчал, пока царь не отдал Дантеса под суд, а голландского короля попросил отозвать Геккерна. На тягостные размышления наводит также полное бездействие властей. Царь, обычно такой придирчивый к манерам, одежде, даже прическам гвардейских офицеров, по-видимому, не обращал внимания на неприличное поведение Дантеса. Весь «большой свет» это видел, но Дантеса никто не одергивал. Правда, его перестали приглашать в Аничков и часто сажали под арест в полку. Но вскоре Дантес мог увериться в тайном поощрении его тактики по отношению к жене Пушкина. Бенкендорф покровительствовал ему открыто.

Мнение о хвастовстве Дантеса подкрепляют и другие письма из архива Смирновых. В одном из них читаем:

Представьте себе, какую ужасную вещь сказала одна из барышень: «Какое несчастье, что Пушкин не был убит до женитьбы Дантеса, тогда m-me П[ушкина] могла бы выйти замуж за Дантеса! Право, вместо того, чтобы жениться, он должен был ее похитить». Эти слова возмутили одного из друзей П[ушкина], и он ответил ей: «А почему вы думаете, что m-me П[ушкина] позволила бы себя похитить и вышла бы замуж за убийцу своего мужа? Вы таким образом на нее клеветаете». Мне говорили, что Дантес сам подавал повод к подобным сплетням, рассказывая часто, что любим m-me П[ушкиной] и что он похитит ее⁹¹.

В последнем замечании нет никакого преувеличения. Ведь мы знаем из письма Пушкина к Геккерну, да и из других источников, что посланник именно об этом и просил Наталью Николаевну. Он уговаривал ее спасти жизнь Дантеса, удовлетворив его страсть к ней. Пушкин узнал об этом из исповеди жены, последовавшей после получения первого анонимного письма. А вот что писал об этом Павел Вяземский: «Не ревность мучила Пушкина, а до глубины души пораженное самолюбие /.../ Единственное объяснение раздражения Пушкина следует видеть не в волокитстве молодого Геккерена, а в уговаривании стариком бросить мужа. Этот шаг старика и был тем убийственным оскорблением для самолюбия Пушкина, которое должно было быть смыто кровью»⁹².

О том же писал барон Г.Фризенгоф А.П.Араповой, отвечая вместе с Александрой Николаевной на просьбу племянницы рассказать историю гибели Пушкина: «Старый Геккерн написал вашей матери письмо, чтобы убедить ее оставить своего мужа и

⁹¹ Смирнова А.О. Указ. изд. С.90-91.

⁹² Вяземский П.П. Собрание сочинений. СПб., 1893. С.555, 557.

выйти за его приемного сына. Александрина вспоминает, что ваша мать ответила на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно»⁹³.

Не хватало только, чтобы полномочный представитель голландского короля состоял в скандальной переписке с русской придворной дамой! Уже одно это предположение Александрины показывает, что либо она, действительно, была уже так больна (письмо Фризенгофа написано в 1887), что все перезабыла, либо умышленно путала. Что означает, например, выражение «выйти за его приемного сына»? Для этого Наталье Николаевне надо было получить развод, а в дореформенной России бракоразводные дела тянулись годами, а то и десятилетиями. Геккерн, конечно, уговаривал Наталью Николаевну бежать с Дантесом, то есть «дать себя похитить». Характерно, что в этих замыслах совершенно игнорирован такой важный для Натальи Николаевны вопрос, как дети. Ведь она оказалась бы разлученной с ними навсегда (вариант Анны Карениной). Уверена, что она не только «отказала», но и не помышляла о такой возможности.

Между тем С.Л.Абрамович, заметив несообразность упоминания Фризенгофом о письменных сношениях Геккерна с Пушкиной, все же придает его сообщениям первостепенное значение. При этом исследовательница пропускает такое возмутительное место, как толкование Фризенгофами ноябрьских переговоров по поводу вызова Пушкина. После того — заявляют Фризенгофы, — как Пушкин отказал в своем доме Дантесу, он «кончил тем, что заявил: либо тот женится на Катерине, либо будут драться». Выходит, что весь замысел женитьбы Дантеса на Катерине Гончаровой исходил от Пушкина. Больше того, получается, что он и дрался за Катерину, а не за жену. Кстати сказать, такая версия блуждает по страницам последних работ о дуэли. Якобы Пушкин как глава дома требовал, чтобы Дантес женился на девице, которую успел обольстить. Заметим в скобках, что для защиты чести Катерины Николаевны существовали братья, особенно Дмитрий Николаевич, официально признанный главой семьи Гончаровых. Не думаю, чтобы Фризенгоф просто оговорился в изложении хода событий. Тут чувствуется тенденция Александрины выгородить Наталью Николаевну. «Жена моя сообщает мне, — продолжает Фризенгоф, — что она совершенно уверена в том, что все это время Геккерн [Жорж. — Э.Г.] видел вашу мать исключительно в свете и что между ними не было ни встреч, ни переписки»⁹⁴. Но

⁹³ Цит. по: Гроссман Л. Цех пера. М., 1930. С.267.

⁹⁴ Там же.

ведь это неправда. Они встречались у Карамзиных. Пушкин в своем письме к посланнику, написанном после помолвки Дантеса, упоминал о «глупостях» или «нелепостях» (niaiseries), которые Дантес «осмеливался писать» Наталье Николаевне. И Дантес подтвердил в суде, что он, «посылая довольно часто к жене Пушкина книги и театральные билеты, прилагал при том свои записки, которые заключали в себе такие выражения, кои могли возбудить щекотливость Пушкина, как мужа»⁹⁵.

Когда было свидание у Полетики?

Без сомнения, Наталья Николаевна подвергалась в октябре 1836 сильнейшему натиску обоих Геккернов, отца и сына. Тем не менее, невозможно принять версию о том, что тогда же и было подстроено свидание у Полетики.

С.Л.Абрамович утверждает, что «и Александра Николаевна и Вяземская рассказывают об этом эпизоде как о чем-то, стоящем в ряду других событий, не приурочивая его к трагическому финалу»⁹⁶. Это неверно. Фризенгофы сознательно говорят о нем в ряду с другими ноябрьскими событиями, а Вяземская (в записи Бартенева) тоже сознательно описывает в ряду с январскими событиями. Вначале она рассказывает о том, как Пушкин «прибежал к ней, жалуясь на свое положение относительно Геккерна», затем описано, как под Новый 1837 год Пушкины встретились у нее с Дантесом и Катериной, которые были уже женихом и невестой, а в конце говорит о том, как себя вел в общественных местах женатый Дантес: «На разъезде с одного бала Геккерн, подавая руку жене своей, громко сказал, так что Пушкин слышал: "Пойдем, моя законная". Мадам N по настоянию Геккерна, пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому». Далее следует то описание, которое сама С.Л.Абрамович считает наиболее достоверным: «Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу [на глаз] с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостя бросилась к ней»⁹⁷.

⁹⁵ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Указ. изд. С.144.

⁹⁶ Абрамович С.Л. Пушкин: Последний год. Указ. изд. С.74.

⁹⁷ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.2. С.164.

Приведя этот рассказ Вяземской, С.Л.Абрамович цитирует еще один вариант рассказа Вяземской, дополненный впечатляющим штрихом. Согласно этой редакции, Наталья Николаевна приехала к Вяземской от Идалии «вся впопыхах и с негодованием рассказала, как ей удалось избежать настойчивого преследования Дантеса»⁹⁸.

Этот инцидент С.Л.Абрамович отождествляет с другим эпизодом, описанным Пушкиным в черновике его ноябрьского письма к Геккерну. Там названа и точная дата происшествия. Разорванный в клочки черновик, реконструированный в тридцатых годах, читается так: «2 ноября вы от вашего сына узнали новость, которая доставила вам много удовольствия. Он вам сказал, что я в бешенстве, что моя жена боится... что она теряет голову. Вы решили нанести удар, который казался окончательным. Вами было составлено анонимное письмо»⁹⁹.

Но между «новостью» 2 ноября и сценой у Идалии Полетики нет ничего общего! Характер встречи, описанной В.Ф.Вяземской, исключал возможность какой бы то ни было беседы. Тут надо было спастись, а не объясняться. Остается впечатление, что «новость», передающую крайне наэлектризованную атмосферу в семье Пушкиных, Дантес услышал не от Натальи Николаевны, а от кого-то другого. Это могла быть Идалия Полетика, могла быть Екатерина Николаевна, мог быть кто-нибудь из молодых Карамзиных. Заметим, что 3 ноября Софья Николаевна писала брату: «У нас за чаем всегда бывает несколько человек, в их числе Дантес, он очень забавен и поручил мне заверить тебя, что тебя ему не достает»¹⁰⁰.

Не было ли тут какой-то сплетни о чрезмерном внимании самодержца к жене Пушкина? Не привел ли какой-то эпизод этого типа Пушкина в ярость? И не вздумал ли Геккерн воспользоваться этим инцидентом? Тогда нам легче было бы объяснить, почему Пушкин колебался, стоит ли упоминать о памятном ему эпизоде 2 ноября и почему он дал возможность хитрому дипломату прикоснуться к этой запретной теме. Тут я позволю себе только высказать одну догадку, доказательств не имея. Читая много описаний петербургской великосветской и придворной жизни тридцатых годов прошлого века, я заметила, что ни один отказ дамы на любовные домогательства царя не проходил для нее бесследно. Так было с талантливой актрисой Асенковой, которую

⁹⁸ Русский архив. 1908. №10. С.295.

⁹⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.10. М., 1966. С.879.

¹⁰⁰ Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. Указ. изд. С.129.

сидящие в партере офицеры подвергли такому глумлению, что она вынуждена была в слезах покинуть сцену. Так было со знаменитой «львицей» А.К.Воронцовой-Дашковой, женой знаменитого богача и церемониймейстера, совершенно опозоренной в ложе театра перед всем зрительным залом одним отпрыском знатного семейства. Не надеялся ли Геккерн повторить эту манеру действий? Иначе я не могу себе представить, во-первых, как мог решиться посланник или кто другой упоминать «нарышкинскую» тему, если не был уверен, что сейчас это можно и будет кстати. Во-вторых, не нахожу другого объяснения, какая связь могла бы быть замечена Пушкиным между разговорами о его ревности к Дантесу и намеком на царские «шалости»?

Против отождествления даты 2 ноября с рассылкой пасквиля, то есть против того, что в тот день и состоялось подстроенное свидание Натальи Николаевны с Дантесом в доме Идалии Политики, помимо моего довода о невозможности для Пушкина вести переговоры с Геккернами и тем более выдать Дантесу оправдательное письмо, свидетельствует и сопоставление двух редакций письма Пушкина Геккерну. В ноябрьском, не отправленном, но написанном 21 ноября, Пушкин утверждал, что поведение Дантеса «не выходило из границ светских приличий». Но ведь в январском письме, которое считается почти идентичной копией непсланного ноябрьского, говорится о другом. «Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего мерзкого поведения смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто трус и подлец»¹⁰¹.

Заметим, что выражения «мерзкое поведение» и «казарменные каламбуры» отделены Пушкиным одно от другого, и здесь говорится о чем-то определенном.

Наконец, третий довод против версии С.Л.Абрамович содержится в покаянном письме прозревшего Александра Карамзина: «...верно также и то, что он продолжал и после своей женитьбы ухаживать за госпожой Пушкиной, чему я долго не хотел верить, но, наконец, сдался перед явными доказательствами, которые получил позднее»¹⁰².

О чем здесь говорит Александр Карамзин? Ведь кривлянье Дантеса на балах он видел так же, как и все остальные. Что же успел совершить Дантес по отношению к Наталье Николаевне за те две недели, которые отделяют свадьбу Екатерины Гонча-

¹⁰¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т.16. С.408.

¹⁰² Пушкин в письмах Карамзинных... Указ. изд. С.192.

ровой с Дантесом-Геккерном от «картели» и смертной дуэли Пушкина? Подобные факты не позволяют начисто отвергнуть версию о тайном свидании Н.Н.Гончаровой с Дантесом, послужившем прямым поводом к дуэли, как я решаюсь думать.

Объяснение Натальи Николаевны с Дантесом все-таки было, но гораздо ранее 2 ноября. Об этом свидетельствует дневник М.И.Барятинской. Из лепета этой семнадцатилетней княжны мы узнаем о важных фактах. Оказывается, у Геккернов был проект женитьбы Жоржа на этой знатной и богатой девице. Попутно выясняется, что Дантес получил какой-то отказ от Натальи Николаевны: «И мама, — записывает Барятинская, — узнала через Тр[убецкого], что его отвергла (герoussa) госпожа Пушкина. Может быть, поэтому он и хочет жениться. *С досады!* Я поблагодарю его, если он осмелится мне это предложить»¹⁰³.

Эта запись сделана 23 октября. Следовательно, разрыв Натальи Николаевны с Дантесом произошел до 19 октября, потому что документы из архива кавалергардского полка удостоверяют, что с 19 по 27 октября Дантес числился больным¹⁰⁴. О действиях Геккерна во время этой болезни говорит Пушкин все в том же ноябрьском письме: «Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали /.../ вашему незаконнорожденному или так называемому сыну /.../ Подобно бесстыжей старухе, вы подстергали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболел сифилисом, он должен был сидеть дома из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына»¹⁰⁵.

Усилия Геккерна были, очевидно, последней попыткой вовлечь Наталью Николаевну в авантюру. Провал этой циничной затеи наполнил посланника жаждой мщения, которым он и угрожал Пушкиной. Неизвестная нам «новость» подсказала 2 ноября Геккернам идею анонимного пасквиля, подло и тонко составленного. По крайней мере, Пушкин находил прямую связь между «дипломом» и «разговором» 2 ноября. И даже определил соотношение между ними: если подметное письмо должно было служить «окончательным ударом», очевидно, оно было составлено в развитие той самой «новости», которую принес Дантес Геккерну. Речь в ней шла, по-видимому, о том, что Пушкин с ума сходит от ревности, но к Дантесу ли? Почему же в таком случае, Гек-

¹⁰³ РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Ед.хр.8. Л.179 (пер. с франц.). Сердечно благодарю Мирру Иосифовну Перпер, сделавшую для меня обширные выписки из этого дневника и перевод их на русский язык.

¹⁰⁴ См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.77.

¹⁰⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.16. М.; Л., 1949. С.346-347.

керы были так поражены, когда Пушкин послал ему вызов? Ужас посланника был непритворным, а Дантес во всех переговорах подчеркивал, что, хотя он и принял вызов, но до сих пор не знает, за что Пушкин его вызвал. По-видимому, если автором пасквиля был действительно Геккерн, он рассчитывал на другой эффект.

Намек по «царственной линии»

Тут неизбежно возрождается мысль о так называемом намеке по «царственной линии». Насколько эта версия была распространена у нас в двадцатых и тридцатых годах, настолько сейчас начисто отвергнута при помощи весьма слабой аргументации. Один довод приходится встречать в новейшей литературе особенно часто. «Пусть, — говорят противники версии, — жена Д.Л.Нарышкина действительно была фавориткой Александра I, и муж ее получал от царя большую мзду за свой позор. Но ведь это было давно. События начала девятнадцатого века потеряли свою злободневность в тридцатых годах. Кто в петербургском свете помнил об этом в 1836 году?» Ответим: Пушкин помнил. Недаром в паскиле подчеркнуто указание на его звание историографа. Кто же не знал, что Пушкин занят историей Петра I и получает за это жалованье? Не оставалось секретом и что «Историю Пугачевского бунта» он издал на деньги, полученные по повелению царя в виде долгосрочной ссуды. В свете не мог пройти незамеченным интерес Пушкина к историческим анекдотам о царствовании Екатерины II или Павла. Отметим хотя бы беседы поэта с Н.К.Загряжской. Был еще один человек в великосветском Петербурге, который посещал «старух, живших при прежних дворах, и заставлял их рассказывать себе все анекдоты, сохранившиеся в их памяти. Это был главный источник его сведений»¹⁰⁶. Этот человек был князь П.В.Долгоруков, которого недаром подозревали в авторстве хитроумного «диплома». Уж он-то про Нарышкина помнил. И, наконец, А.И.Тургенев, первоклассный знаток русской истории, пересказывая в своих письмах подробности о кончине Пушкина, главной приметой пасквиля считал наименование в нем поэта «первым после Нарышкина роконосцем»¹⁰⁷. О второй подписи в «ордене роконосцев» (Борх) Тургенев даже не вспомнил. Вероятно, Борх был привлечен пасквилянтами для напоминания о семье, считавшейся «грязной».

¹⁰⁶ ОПИ ГИМ. Ф.174. Оп.1. Ед.хр.5.

¹⁰⁷ Цит. по: Пушкин и его современники. Вып.6. Указ. изд. С.59.

Противники «царской» версии, в их числе и С.Л.Абрамович, утверждают также, что при ознакомлении с пасквилем никто из современников не заподозрил намека на государя, а сразу сблизил имена Пушкиной и Дантеса. Но подметного письма никто не читал, кроме ближайших друзей Пушкина. Слухи о нем проникли в «Большой свет» только после поразившей всех помолвки Дантеса с Катериной Гончаровой. С.Л.Абрамович указывает, что тогда появилось множество «фантастических домыслов». В качестве примера она приводит такой: Пушкин якобы получил по городской почте диплом с золотыми рогами¹⁰⁸. Но это и есть намек на царя — типичный «нарышкинский» вариант.

На большее исследователь, занимающийся изучением великосветской и придворной переписки, и рассчитывать не может. Ни императрица, ни графиня С.А.Бобринская, ни графиня Д.Ф.Фикельмон, ни Карамзины, ни А.О.Смирнова никогда не доверили бы бумаге ни одной сплетни про императора. На это уже указывалось в одной из рецензий на книгу Абрамович, где приведен убедительный пример: «Много ли откликов мы имеем на безобразовскую историю (а уж она действительно была известна всем в петербургском обществе)»¹⁰⁹. Критические отзывы о Николае I попадают либо в дневниках и воспоминаниях, не рассчитанных на гласность, либо мелькают в записях персонажей, не принадлежащих к высшему кругу. Таков, например, дневник Н.И.Иваницкого, записавшего свою беседу с А.В.Никитенко. Запись сделана 23 февраля 1846, но переданный Никитенко разговор с В.А.Соллогубом мог происходить и раньше. По отзыву Соллогуба в гибели Пушкина «подозревают другую причину: жена Пушкина была фрейлиной при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем»¹¹⁰.

Здесь выражено то, чего Пушкин больше всего боялся. Дурной молвы, рожденной тем унижительным положением, в которое он был поставлен царем. Это очень верно передал Соллогуб в своих воспоминаниях: «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко». Далее Соллогуб писал: «Он обожал жену, гордился ее красотой и был в ней вполне уверен. Он ревновал к ней не потому, чтобы в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы, страшился сделаться еще более

¹⁰⁸ См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.114.

¹⁰⁹ Сайтанов В. К тайне гибели Пушкина // Вопросы литературы. 1986. №4. С.250.

¹¹⁰ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.2. С.482.

смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться ему было нечего. Он вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы и видел в Дантесе не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес»¹¹¹.

Соллогуб, конечно, имел возможность верно судить о мотивах поведения Пушкина, как человек, близко стоявший к самым истокам драмы. Он правильно подметил, что Пушкина тревожило посягательство на его имя, а не на его жену, которой он верил. Но прав ли был Соллогуб, когда ограничивал опасения поэта именно светской молвой? Мы слышали другие высказывания Пушкина. Он заявлял, что «принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают». Так передал П. А. Вяземский в письме к великому князю Михаилу Павловичу слова Пушкина¹¹². Иначе та же мысль Пушкина была изложена иностранным дипломатом, который писал из Петербурга своему правительству: «Какое мне дело до мнения мадам графини или мадам княгини, уверенных в невинности или виновности моей жены! Единственное мнение, которому я придаю значение, — это мнение среднего класса, который ныне — единственный действительно русский и которой обвиняет жену Пушкина»¹¹³. В обоих письмах слова Пушкина переданы в редакциях, применительных к назначению официального документа. Но вот Д. Ф. Фикельмон писала для себя, запись в ее дневнике начата в день кончины Пушкина. Она объясняла его позицию так: «Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было первым доказательством невинности госпожи Пушкиной, но десяток других петербургских кругов, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камень»¹¹⁴.

Д. Ф. Фикельмон, хозяйка блестящего европейского салона в Петербурге, тесно связанная с двумя дворами, русским и австрийским, не представляла себе всей глубины страданий Пушкина. Ее наблюдения ограничивались петербургской жизнью. Она знала, что семейные дела Пушкиных обсуждались и в Москве, и в провинции, но о самом главном умолчала в своей записи. Может быть, она и не догадывалась, какой незаживающей раной было для Пушкина положение его жены при дворе, сама-то она и ее

¹¹¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т. 2. С. 298-299.

¹¹² См. прим. 30.

¹¹³ Новый мир. 1972. № 3. С. 226.

¹¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т. 2. С. 143.

сестра Тизенгаузен, и мать Е.М.Хитрово дышали этим воздухом с детства и не ощущали его тяжести. А Пушкин еще в 1834 предостерегал Наталью Николаевну от влияния ядовитой атмосферы придворной жизни. «Охота тебе думать о помещении сестер во дворец /.../, — писал он ей на Полотняный завод 11 июня. — Коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому П[етер]б[ургу]. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдоеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало»¹¹⁵.

К сожалению, к этому совету Пушкина в его семье не прислушались. Вскоре после переезда в Петербург старшая Гончарова, живя в доме поэта, получила назначение во дворец в звании фрейлины, а после смерти Пушкина вернувшаяся вместе с Натальей Николаевной в Петербург Александрина сразу же (с 1 января 1839) заняла во дворце такое же место. Впоследствии, когда выросла старшая дочь Пушкина, она до своего замужества в течение ряда лет тоже была фрейлиной.

При своей жизни Пушкин имел несчастье убедиться, что «свинский Петербург» разнес уже далеко за свои пределы сплетни об ухаживании царя за Натальей Николаевной. Об этом Пушкин написал жене из Москвы 6 мая 1836, маскируя свою горечь и настороженность видимостью беззаботной болтовни: «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение Вашего пола». Беглое замечание о «толках, которые не вполне доходят» до Пушкина, указывает, что говорят на эту тему всякое, но в центре сплетен стоит одно: царь ухаживает за женою поэта. Раздражение Пушкина и некоторая отчужденность между супругами прорвались в осуждающей фразе другого московского письма его к Наталье Николаевне (18 мая): «славный обед ваших кавалергардов»¹¹⁶. За словом «ваших», обращенном к Наталье Николаевне, слышится подтекст, ведущий к Дантесу, Катерине Гончаровой и Идалии Полетике, упомянутой в том же письме.

Все это Пушкин пишет жене перед самыми ее родами, то есть в то время, когда она не показывалась в свете. С.Л.Абрамович

¹¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.15. М.; Л., 1948. С.158-159.

¹¹⁶ Там же. Т.16. М.; Л., 1949. С.112-113, 117.

сообщает, что «Н.Н.Пушкина ни разу не виделась с царем с марта, когда она перестала выезжать, и вплоть до первого бала нового зимнего сезона, состоявшегося 15 ноября в Аничковом дворце»¹¹⁷. Это указание основано, очевидно, на записях камер-фурьерского журнала. Но в обязанности камер-фурьера не входило фиксировать беседы государя, которые он заводил с гостями на балах и при встречах на прогулках в Царском Селе, в Петербурге на Английской набережной, в маскарадах, в Английском магазине. От кокетства с царем Пушкин предостерегал жену еще в октябре 1833, когда он не был камер-юнкером, и Наталья Николаевна не получила поэтому приглашений в Аничков. Но осенью 1836, после возвращения царя в сентябре из поездки по России, он мог заговорить с Натальей Николаевной где угодно, например, в Зимнем дворце. Не забудем, что там на верхнем этаже жила Е.И.Загряжская, которую Наталья Николаевна, несомненно, навещала. Вспоминим, как Пушкин писал жене 20 апреля 1834: «Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить»¹¹⁸. Очень возможно, что странная беседа Николая I с Н.Н.Пушкиной, за которую Пушкин, если верить туманному рассказу самого царя, горячо благодарил его и признался, якобы, что ревновал свою жену к нему, — тоже завязалась при случайной встрече во дворце (о Пушкине, впрочем, царь сказал, что встретил его «где-то» за три дня до дуэли)¹¹⁹. Тут никакие камер-фурьерские журналы не помогут нам установить день и час и самые слова, сказанные царем красавице Пушкиной, а тем более содержание и тон разговора поэта с царем о своей жене. Это пока остается совершенно нераскрытым.

Ясно, что подозрения у Пушкина существовали и мучали его уже давно. Предупреждение его «не кокетничай с царем», конечно, звучит тоже достаточно формально. Николай I сам «кокетничал» с кем хотел, и Наталья Николаевна не могла не сидеть рядом с ним за ужином у Бобринских, не могла отказать царю в танце или отвечать на его комплименты с излишней суровостью. Мы не слышали никаких откликов хотя бы на одно живое слово, сказанное Пушкиной во дворце, ни одного описания ее появления на «маленьких вечерах» у императрицы, куда ее тоже приглашали. Зато множество описаний ее изумительной внешности и упоминаний о ее красоте. В частности, императрица ни разу не назвала ее имени без прибавления слова «красавица», а упоминала она ее доволь-

¹¹⁷ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.113.

¹¹⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.15. М.; Л., 1948. С.129.

¹¹⁹ Русская старина. 1899. №8. С.311.

но часто. Это и указывает на внимание Николая I к жене Пушкина, потому что императрица Александра Федоровна раз навсегда завела обычаем приближать к себе самых красивых женщин, «чтобы царь всегда находил у нее приятное общество»¹²⁰. Это замечание иностранного мемуариста генерала фон Гагерна может быть проиллюстрировано письмом императрицы к С.А.Бобринской 1843 года, когда вдова Пушкина вынуждена была по желанию императора и императрицы возобновить свои выезды в Аничков дворец: «Очень многолюдный, очень парадный бал, украшенный отборными красавицами, среди которых Ольга¹²¹ и вдова Пушкина сияли как небесные светила. Аврора и Матильда Демидовы очень хороши. Я хотела бы видеть их всех в согласии»¹²².

Все эти штрихи не позволяют согласиться с С.Л.Абрамович, утверждающей, что «в петербургском свете все знали, что отношения государя с Н.Н.Пушкиной не выходят за рамки самого строгого этикета. Несколько комплиментов, сказанных в бальной зале или во время торжественного приема, приглашение на танец в Аничковом дворце — вот все, чем ограничивались знаки внимания царя к жене поэта, хотя и было известно, что он к ней весьма расположен»¹²³. Откуда же это было известно, если царь не оказывал Пушкиной никаких особенных знаков внимания? М.А.Корф в записи 1848 года передает, как подлинные, слова Николая I о поэте: «Встречаясь очень часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину /.../»¹²⁴. А вторая дочь царя, написавшая в старости свои воспоминания, почти дословно повторила это выражение. Фарисейски утверждая, что царь относился к Пушкину с большим вниманием, она продолжала: «Это внимание он распространял и на его жену, которая была в такой же степени добра, как и прекрасна»¹²⁵. Согласитесь, что нескольких бальных комплиментов недостаточно, чтобы оценить доброту сердца своей дамы.

Можно было бы привести здесь еще ряд документов, указывающих на особенное внимание царя к жене Пушкина, но мы рискуем впасть в другую крайность. До сих пор немало исследователей

¹²⁰ Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964. С.61.

¹²¹ Вторая дочь Николая I.

¹²² Герштейн Э. Судьба Лермонтова. Указ. изд. С.61-62.

¹²³ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.112-113.

¹²⁴ Цит. по: Майков Л. Пушкин в изображении М.А.Корфа // Русская старина. 1899. №8. С.310-311.

¹²⁵ Сон юности: Записки дочери императора Николая I вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1965. С.66 (подлинник по-французски, но перевод на русский язык сделан с немецкого перевода).

находятся под воздействием гипотезы М.Яшина¹²⁶. Он предположил, что царь прямо приказал Дантесу жениться на Екатерине Гончаровой. Видимо, исследователь представлял себе скрывающуюся за этим адскую интригу царя против Пушкина.

Единомышленники М.Яшина забывают, что структура двора позволяла императору оставаться в тени в тех случаях, когда он не имел законного повода для вмешательства в личную судьбу кого-нибудь из своих подчиненных. Для сообщения о царской воле или царской прихоти существовало много каналов. Для этого были А.Х.Бенкендорф, А.Ф.Орлов, для иностранцев К.В.Нессельроде и тот же вездесущий Бенкендорф, а для гвардейских вел. кн. Михаил Павлович. А явного повода для того, чтобы указывать поручику кавалергардского полка на обязанность жениться на такой-то особе у царя не было. Такие эпизоды известны, но в случае беременности фрейлины. С Екатериной Гончаровой Дантес вел себя в обществе прилично. Совершенно невероятно, чтобы император имел общий секрет с поручиком, особенно с Дантесом, ведь тот не был русским подданным. Он мог открыть тайну своим родным в Сульце, мог проболтаться и в Петербурге, когда свет был поражен предстоящим браком блестящего кавалергарда с молодой и некрасивой бесприданницей.

В своей версии М.Яшин опирался на документ о назначении Дантеса 9 октября на дежурство вне очереди «на случай востребования конных ординарцев к разводу». Убедившись по архивным документам, что на разводе присутствовал император, М.Яшин пришел к мысли, что Николай мог говорить с Дантесом непосредственно на плацу или когда он, согласно записи камер-фурьера, поехал прогуляться на 20 минут перед отъездом в Царское Село. Но это уже область чистой фантазии М.Яшина, которая обсуждению не подлежит.

Итак, никакими данными о прямом царском приказе Дантесу жениться на сестре Натальи Николаевны мы не располагаем. Вопрос о времени грехопадения Екатерины Гончаровой — до венчания или после — интереса для нас не представляет. Поскольку Геккерны опомнились, только получив вызов на дуэль, нас уже не могут интересовать какие-то «материальные доказательства» о давней любви и сватовстве Дантеса к свояченице Пушкина. Бароны опоздали. Иначе как средство уклониться от дуэли, поразительная помолвка «самого модного кавалергарда» с такой невидной невестой понята быть не могла. Так и понимал это Пушкин.

¹²⁶ См.: Яшин М. Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. №8. С.169-173. Гипотеза Яшина учтена, напр. в кн.: Лотман Ю.М. А.С.Пушкин. М., 1982. С.223.

Поведение Геккерна до анонимного письма и вызова Пушкина многим представляется совершенно непонятым. Казалось бы, облик посланника прояснен окончательно. Но в сущности, его частная жизнь в Петербурге известна нам только из одного рассказа П.А.Вяземского, переданного П.И.Бартеневым: «Старик Геккерн был известен распутством. Он окружил себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части, в числе их находились князь Петр Долгоруков и граф Л[ев] С[оллогуб]»¹²⁷. Это очень общая характеристика. Она не привязана к определенному времени, а главное, ограничивается только описанием вкусов и привычек посланника и не касается его поступков и поведения в интересующих нас обстоятельствах.

Порочность и интригантство не исключают больших страстей. Такой главной и пожизненной страстью Геккерна был Дантес. «Жорж» был его большой любовью. Он стал для сорокалетнего гомосексуалиста центром его личной жизни. Это ясно прочитывается в его поздравительном письме, когда Дантес уже в 1855 был награжден высшим австрийским орденом:

Были три императора и один молодой француз; один из могущественнейших монархов изгнал молодого француза из своего государства, в самый разгар зимы, в открытых санях, раненого! Два другие государя решили отомстить за француза, один назначил его сенатором в своем государстве, другой пожаловал ему ленту большого креста /.../ Вот история бывшего русского *солдата*, высланного за границу. *Мы* отомщены, Жорж!¹²⁸

Это — поразительное письмо. Прошло почти двадцать лет со времени событий, но крушение карьеры в России до сих пор жгло обоих Геккернов незабываемой обидой. Невозмутимость, с какой фигура Дантеса поставлена рядом с тремя императорами, выдает наивность влюбленного. И, наконец, в подчеркнутом «мы» сквозит вся неотвязчивость, даже прилипчивость Геккерна к Дантесу. Все это бросает ретроспективный свет на поведение посланника в петербургскую зиму 1836-1837.

Дантес причинял ему много беспокойства своими любовными приключениями с великосветскими красавицами. Очевидно, само-

¹²⁷ Цит. по: Бартенев П.И. Пушкин. М., 1992. С.386.

¹²⁸ Звенья. Т.9. М., 1951. С.184.

уверенного кавалергарда смущало покровительство Геккерна, как оно ни было ему полезно и необходимо. Отсюда афиширование своего успеха у женщин, так наглядно отраженное в приведенных выше письмах петербуржцев к А.О.Смирновой. Да и секундانت Пушкина Данзас подчеркивал это в своем рассказе, записанном Амосовым: «Дантес пользовался очень хорошей репутацией, и по мнению Данзаса, — пишет Амосов, — заслуживал ее вполне, если не ставить ему в упрек фатовство и слабость хватать своими успехами у женщин»¹²⁹.

Осенью 1836 в положении нидерландского посланника наступил острый кризис. По своим служебным каналам Геккерн мог узнать, что в нидерландском королевском семействе им недовольны. Он совершил большой промах, наплетничав Николаю I о семейных отношениях Вильгельма Оранского, женатого на родной сестре русского императора. Содержание своего разговора с царем Геккерн, не задумываясь, сообщил в официальной депеше своему правительству. По этому поводу весь октябрь между обоими суверенами велась переписка (опубликована Н.Я.Эйдельманом¹³⁰), закончившаяся примирением их и настороженным отношением к Геккерну. Однако отставкой это посланнику не грозило. Серьезнее были петербургские дела.

Усыновление двадцатичетырехлетнего офицера при жизни его родителей не могло не породить множества толков. Но Геккерн, как иностранец, оформил это рискованное дело вне России. В Петербурге высшие чины были потавлены перед совершившимся фактом: документы Дантеса, состоящего на службе в русской императорской гвардии, были переписаны на фамилию Геккерн, молодой человек переселился в квартиру нидерландского посланника и продолжал красоваться в петербургском большом свете. Но в Аничков дворец его больше не приглашали, там на всю эту затею смотрели косо.

Достаточно вспомнить неодобрительные и иронические упоминания о Дантесе в записочках императрицы к С.А.Бобринской в 1836. Как известно, главным героем этой переписки был Ал. Трубецкой, скрываемый под кличкой Бархат. «Он и Геккерн, — пишет императрица в августе 1836, — на днях кружили вокруг коттеджа. Я иногда боюсь для него общества этого "новорожденного"»¹³¹. В сентябре она возвращается к этой теме: «Я хочу еще раз попросить вас предупредить Бархата остерегаться влияния

¹²⁹ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.2. С.319.

¹³⁰ См.: Эйдельман Н.Я. О гибели Пушкина. Указ. изд.

¹³¹ Цит. по: Герштейн Э. Судьба Лермонтова. Указ. изд. С.59.

его безымянного друга, бесцеремонные манеры которого он начинает перенимать»¹³². Очевидно, о странных отношениях Геккерна и Дантеса запрашивал вице-канцлера и министр русского двора кн. П.М.Волконский. Об этом пишет А.О.Смирновой его дочь А.П.Дурново: «Он действительно его сын; Нессельроде давно об этом сказал моему отцу, и вот почему король Нидерландов его рекомендовал Его Величеству». Эта сказка энергично опровергалась секретарем нидерландского посольства Геверсом, который прямо заявлял, что посланник лжет. Геверс повторил это, когда заменил Геккерна на его посту. В это время Вильгельм Оранский писал о том же Николаю I: «Здесь никто не поймет, что должно было значить и какую истинную цель преследовало усыновление Дантеса Геккерном, особенно потому что Геккерн подтверждает, что они не связаны никакими кровными узами»¹³⁴.

Первый биограф Пушкина П.В.Анненков представлял себе истинную цель происков голландского посланника так: «Геккерн был педераст, ревновал Дантеса и поэтому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество»¹³⁵. Но Анненков не знал о пошатнувшемся положении Дантеса и не учитывал особенностей характера Николая I. Петербургский двор хорошо знал, что царь преследовал молодых людей, выделяющихся своей красотой, особенно если кто-нибудь из них встретился ему на пути его собственных пристрастий к той или иной даме. Мы не можем определить, почему на Дантеса с осени 1836 посыпались знаки неблаговоления. Потому ли, что царь обратил внимание на двусмысленное положение офицера императорской гвардии в доме нидерландского посланника, потому ли, что Дантес раздражал его своим ухаживанием за Пушкиной или из-за промахов самого Геккерна на дипломатической службе, но так или иначе хитрый посланник мог убедиться в том, что дошел до края. Надо было срочно исправлять положение. В октябре разнесся слух, что Дантес сватается к княжне Марии Барятинской. Мы знаем об этом из дневника предполагаемой невесты. Не исключено, что если бы нам попал в руки дневник другой какой-нибудь титулованной девицы, оказалось бы, что и к ней он сватался. Может быть, в замыслы Геккерна входило распускать слухи, что его «сын» ищет себе подругу жизни. А реальная женитьба не доставила бы «отцу» ни малейшего удовольствия. Он лелеял другой план.

¹³² Цит. по: Герштейн Э. Судьба Лермонтова. Указ. изд. С.59.

¹³³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.90.

¹³⁴ Новый мир. 1972. №3. С.209.

¹³⁵ Цит. по: Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С.341.

Он решил одним ударом покончить с обоими серьезными препятствиями, ставшими на дороге Дантеса к так хорошо подготовленному Геккерном благополучию.

Мы знаем, что преследования Натальи Николаевны разделились в октябре на два этапа. Сначала прямые предложения Дантеса, а затем, после отказа Пушкиной и болезни поклонника, охота за ней «старика» Геккерна. Только слепая вера в неотразимость Дантеса могла подсказать посланнику этот безумных план «похищения» знаменитой красавицы. Но если бы этот план осуществился, скандал был бы так велик, что перекрыл бы все перешептыванья относительно загадочного родства Геккерна с Дантесом, и молодой был бы совершенно обелен в глазах света. Геккерну нужна была не простая измена Натальи Николаевны Пушкину, не тайная связь, а скандал. По-видимому, Геккерн хотел, чтобы Пушкина откровенно появилась в его доме. Но такое приключение могло бы стоить Дантесу отставки. Так на что же надеялся Геккерн? Вероятно, на свою изворотливость. Образцы ее мы знаем по его оправдательным письмам во время суда над Дантесом. Уже указывалось на один из вариантов, задуманных Геккерном: отводя от себя обвинение в авторстве анонимного письма, он старался убедить адресата в бессмысленности такого его участия: «Разве для того, чтобы добиться большего успеха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься в его [Дантеса] объятия, не оставив ей другого исхода, как погибнуть в глазах света, отвергнутой мужем?»¹³⁶ «Не проговорился ли невольно барон Геккерн в этом письме? Оказывается, с точки зрения Геккернов, такая ситуация была возможной», — замечает С.Л.Абрамович¹³⁷. К ней смело можно присоединиться. В этих письмах посланник раскрывает свои карты, маневрируя и шантажируя. В полном согласии с провокациями Идалии Полетики, Геккерн изображает Наталью Николаевну активной стороной в «романе» ее с Дантесом. Посланник якобы предостерегал ее устно, в выражениях, которые должны были ее оскорбить (!), что она находится на краю пропасти. По его настоянию, уверял он, Дантес даже написал Пушкиной письмо с отказом от каких бы то ни было домогательств со своей стороны. И он, посланник, сам вручил ей в руки это наглое письмо! Он изо дня в день советовался с двумя дамами («самого высшего достоинства» — опять шантаж¹³⁸), как ему разорвать эту «злосчастную связь». Последнее выраже-

¹³⁶ Шеголев П.Е. Указ. изд. С.271.

¹³⁷ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Указ. изд. С.94.

¹³⁸ См. комментарий Я.Л.Левкович в: Шеголев П.Е. Указ. изд. С.524-525.

ние, умышленно проскользнувшее в оправдательном письме к Нессельроде, немедленно вызвало возражение, уж не самого ли императора? На это указывает то, что ответ свой Геккерн адресовал уже не вице-канцлеру, а фавориту Николая I А.Ф.Орлову: «Боюсь, что я недостаточно рассеял всякое подозрение относительно госпожи Пушкиной, и я чувствую себя обязанным под клятвой заявить вам, что ее связь с моим сыном никогда не заставила ее забыть свой долг и что она осталась столь же чиста в этом отношении, как и тогда, когда господин Пушкин дал ей свое имя»¹³⁹.

Все эти увертки и жонглирования с разными вариантами дают возможность представить себе, какой сюжет разрабатывал в своем воображении Геккерн, когда повел атаку на Наталью Николаевну. Если бы он уговорил Наталью Николаевну бежать с Дантесом, «беглецы», вероятно, не ушли бы далее дома Влодека на Невском проспекте, где жил нидерландский посланник со своим приемным сыном. Геккерн немедленно обратился бы к Бенкендорфу с просьбой вернуть беглянку к мужу, ибо Дантес ни сном, ни духом во всем этом не виноват. При такой тактике Дантес мог бы выйти сухим из воды, то есть остаться в кавалергардском полку. Семейная жизнь Пушкина была бы сокрушена, а Дантес излечился бы от своей любви к Наталье Николаевне навсегда.

Не надо забывать, что Геккерн был сочинителем новелл, в которые он превращал свои донесения правительству. Когда он был отозван из Петербурга в 1837, Вильгельм Оранский писал Николаю I: «Я в особенности надеюсь, что тот, кто его заменит, будет более правдивым и не станет *изобретать сюжеты* для заполнения своих депеш, как это делал Геккерн»¹⁴⁰. Однако в 1844, когда Вильгельм Оранский был уже королем Нидерландов, Геккерн получил новое назначение в Вену, где прослужил 30 лет. Лица, еще помнившие его в начале XX в., отзывались о нем, как о дипломате выдающегося ума, но с самым широким представлением о правде. Его недолюбливали, но кланялись ему, боясь его злого языка. Там, в Вене, он пользовался совершенно исключительным по своему влиянию положением.

Как видим, Геккерн был артист в своем деле. В Петербурге с ним мог потягаться лишь П.В.Долгоруков. В воспоминаниях коротко его знавших людей несколько раз попадаются указания на то, что он не только написал историю царствований XVIII в. в России (особенно, когда на престоле были женщины), где с не-

¹³⁹ Звенья. Т.9. М., 1951. С.183.

¹⁴⁰ Эйдельман Н. О гибели Пушкина. Указ. изд. С.207.

обычайным искусством распутывал все дворцовые интриги, но и сам писал мемуары, живя в тридцатых годах в Петербурге. Так, например, М.Б.Лобанов-Ростовский рассказывал о П.В.Долгорукове: «Так как глаза его всюду все высматривали, он прекрасно знал о нашей любовной связи с маленькой кузиной и был этим очень доволен, как всяким предметом, который он мог занести в свои мемуары». В другом месте он же заявляет: «Я уверен, что уже давно фигурирую в его мемуарах»¹⁴¹. Эти записи относятся к 1839. Такая рукопись Долгорукова неизвестна, а могла бы представлять исключительный интерес для биографов Пушкина и Лермонтова. Весьма подозрительно, что в дошедших до нас памфлетах и мемуарных статьях Долгорукова нет ни слова о истории гибели Пушкина. Также умолчано о гонениях на Лермонтова, хотя какое-то вредоносное участие Долгорукова в деле дуэли с Барантом не подлежит сомнению, т.к. отражено в документах.

Грубый литературный стиль его нам известен. Если отвлечься от политической остроты его разоблачений романовской династии и ее слуг, мы найдем в его лице такого же литератора невысокого разбора, как и автор донесений из Вены. Можно быть уверенным, что Пушкин раскусил их обоих не хуже, чем ненавистного ему Фиглярина.

Был ли Пушкин ревнивцем?

Судаца ли о Пушкиных, вдумываясь ли глубоко в его семейную трагедию, знакомые и друзья отмечали одну и ту же поражающую их черту: Наталья Николаевна ничего не скрывала от мужа. «Его доверие к ней было безгранично, тем более, что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса, — большая, ужасная неосторожность»¹⁴², — писала в своем дневнике Д.Ф.Фикельмон в день смерти Пушкина. Объяснение этому приговору мы находим в записках А.О.Смирновой (в передаче ее дочери): «Она [Наталья Николаевна. — Э.Г.] воображала, что это — верх чистосердечия, ей не приходило в голову самой вести дерзкого в приличные границы. Сколько раз мой муж просил ее не передавать Пушкину всех расточаемых ей глупостей, убеждая ее, что это раздражает мужа, что жене следует самой давать некоторые уроки; она досадовала на него, не обращала внимания на его советы»¹⁴³. А.И.Васильчикова, тетка Соллогуба, тоже получившая экземпляр

¹⁴¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч.

¹⁴² Хмелевская Е.М. Из дневника графини Д.Ф.Фикельмон // Пушкин: Исследования и материалы. Т.1. М.; Л., 1956. С.349.

¹⁴³ Смирнова А.О. Указ. изд. С.3.

«диплома», повторяла мнение света: «Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его»¹⁴⁴. Смирновы и Соболевский давно покинули Петербург и не были свидетелями того накала страстей, к которому привело развитие событий с осени 1836 до самой катастрофы. Поэтому мнение С.А.Соболевского, умного друга Пушкина, основывалось на несколько более ранних впечатлениях. Тем не менее, оно многое объясняет в самом Пушкине. А это для нас важнее всего.

Обращаясь к мужу А.О.Смирновой-Россет, Соболевский говорил так:

M-me Nathalie до сих пор пансионерка, она жила, как живут дети, без размышлений, без забот, для нее жизнь была рядом празднеств, балов, туалетов, прогулок и как только ей делали ласковое лицо, она воображала, что ее обожают; она поверяла эти маленькие тайны г-же X, а эта последняя, сходявшая с ума по Дантесу, передавала их ему, а потом разносила повсюду, что Nathalie обожала своего beau-frère. А Nathalie — женщина, неспособная обожать кого бы то ни было; у нее спокойная холодная натура и если она кого-нибудь любила, то это все-таки Пушкина, которого она любила на свой лад, совершенно его не понимая. Она ревновала его; он никогда не ревновал, так как он глубоко понимал ее, но он был оскорблен той наглостью, с которой за ней ухаживали, это оскорбляло даже вкус его. Он никогда не думал, что она изменила своему долгу. Ведь Вяземский писал об этом твоей жене, он говорил об этом своим друзьям перед дуэлью и после нее. Он ни за что не солгал бы в такую минуту, он смолчал бы, но не говорил бы, если бы сомневался в своей жене¹⁴⁵.

Беседуя незадолго до дуэли с Елизаветой Михайловной Хитрово, Пушкин говорил о Наталье Николаевне: «Мне не в чем еще ее упрекнуть, но я не могу перенести мысль, что, может быть, ее душа уже смущена»¹⁴⁶.

Так вспоминая старик барон В.И.Левенштерн, отставной генерал-майор, некогда бывший другом и сослуживцем первого мужа Хитрово бар. Ф.И.Тизенгаузена. А дочь Хитрово Д.Ф.Фикельмон, размышляя о причинах катастрофы, писала в уже цитированной записи из дневника: «Пушкин тогда [зимой 1836-1837 гг. — Э.Г.] совершал большую ошибку, разрешая своей молодой и слишком красивой жене выезжать в свет без него»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Рассказы о Пушкине. Указ. изд. С.38.

¹⁴⁵ Смирнова А.О. Указ. изд. С.22-23.

¹⁴⁶ Левенштерн В.И. Мемуары // ОР РНБ. Ф.425. Ед.хр.17. Л.48об (пер. с франц.).

¹⁴⁷ Хмелевская Е.М. Указ. изд. С.349.

Ну, разве ревнивцы так поступают?

Нельзя не согласиться с Б.В.Казанским, который еще в 1937 заявил: «У нас нет никаких свидетельств о ревности Пушкина»¹⁴⁸. Можно вспомнить также отзыв жены П.В.Нашокина о поэте: «Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична»¹⁴⁹.

Создается впечатление, что разговоры о ревности Пушкина носили механический характер и не соответствовали облику поэта. Такие замечания, как «он ревнует свою жену из принципа», «он кажется обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает», или откровения того же Трубецкого: «Пушкин вовсе не ревновал Дантеса к Наталье Николаевне» — говорят о чем-то более сложном... А разговор Пушкина с Е.Н.Мещерской, слышанный Софьей Николаевной Карамзиной? Он рассказывал Екатерине Николаевне «обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения»¹⁵⁰. Разве это свидетельствует о «бешенстве обезумевшей ревности»? Скорее это говорит о пронизательности и самообладании Пушкина.

По-видимому, Пушкин разглядел все происки Геккернов и все проделки Идалии Полетики давно, и рассказ Натальи Николаевны о сводничестве старшего Геккерна был только последней каплей, переполнившей чашу. Ведь письмо Пушкина, в котором с такой брезгливостью обозначено поведение посланника, а Дантес прямо назван плутом и негодяем, было написано еще 21 ноября. Пушкин все понимал, но терпел еще долго. «Пушкин должен был бы выгнать их всех из своего дома, — писала Смирнова об Идалии, сестрах Гончаровых и Дантесе, — и увезти Натали в деревню, не обращая внимания на ее жалобы. Но он ненавидел патетические сцены. Он не ревновал, но был возмущен тем, что творилось»¹⁵¹.

В этих заметках вновь пересмотрена, казалось бы, уже устоявшаяся концепция истории гибели национального поэта. Критике подверглись отдельные частности. Но пока общая картина не разбита на отдельные фрагменты, трудно проанализировать ее целиком. В настоящей публикации рассмотрены не все подробности, необходимые для понимания произошедшей трагедии. Выделены лишь основные спорные моменты.

¹⁴⁸ Казанский Б.В. Гибель поэта. Указ. изд. С.225.

¹⁴⁹ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.2. С.205.

¹⁵⁰ Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. Указ. изд. С.148.

¹⁵¹ Смирнова А.О. Указ. изд. С.24.

Мои возражения связаны с самим подходом к толкованию событий. Я ищу ответа на вопрос: «Что случилось?» Мои потенциальные оппоненты ставят перед собой другую задачу: «Как истолковать события, контуры которых в общем-то ясны?» Во многих трудах обнаруживается, как я уже говорила, пренебрежение фактом дуэли. Ее вроде бы могло и не быть. Изучается само светское общество, рисуются портреты его членов, меньше уделяется внимания непосредственному виновнику смерти Пушкина. При этом психологическая основа драмы Пушкина игнорируется.

Я старалась показать в своих заметках, что главным врагом поэта в этой кровавой расправе был не Дантес, а Геккерн-дипломат. Кровь льется только там, где задеты основные жизненные интересы враждующих. У Геккерна этим интересом была страсть к Дантесу. Связь с ним висела на волоске из-за того, что Геккерн хватил через край, усыновив его и поселив у себя. Он преследовал семью Пушкиных для спасения своей заветной мечты.

И, наконец, что самое главное, я стремилась показать правоту Пушкина, то есть развеять легенду о его неловком и неумелом поведении, о «его известной ревности», на которую так любил указывать государь Николай Павлович.

В истории дуэли Пушкина есть еще, на мой взгляд, непроясненные моменты. Я надеюсь, что мне удастся осветить их, напечатав полный вариант написанной мной работы о последней дуэли Пушкина.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

6

Феникс ♦ Atheneum
Москва — С.-Петербург

1995